

Я УЖЕ УМИРАЮ СЕГОДНЯ

С КАЖДОЙ СМЕРТЬЮ Я БОЮСЬ ПОТЕРЯТЬ ТЕБЯ

GRIMTONN

ТОЧКА ВОЗВРАЩЕНИЯ ВСЕГДА СЛУЧАЙНАЯ,
ЧТО БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ?

АНТОН GRIMTONN

Я уже умирал сегодня

«Автор»

2026

GRIMTONN A.

Я уже умирал сегодня / А. GRIMTONN — «Автор», 2026

Каэль попал в другой мир без предупреждения, без правил и без способа вернуться домой. Зато со способностью умирать — снова и снова, каждый раз просыпаясь на той же площади, в том же городе, как будто ничего не было. Только кое-что было. Боль помнится. Предательство помнится. И лицо девушки которая убила его в первую ночь — тоже помнится, хотя она смотрит на него как на незнакомца. Каждая смерть возвращает его назад — но не его самого. С каждым циклом что-то остаётся не там. Чужие воспоминания, чужие решения, голоса которых не было. Он всё ещё помнит кем был — но всё труднее понять кем стал. Она единственная кто остаётся собой в каждом мире. Он единственный кто это знает. И никому нельзя об этом говорить.

© GRIMTONN A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Хочу назад!	5
Глава 2 - Мана убьет меня!	16
Глава 3 - Насколько опасен закон свидетеля?	29
Глава 4 - Почему здесь такие жуткие монстры? / Проклятие оказалось ошибкой?!	37
Глава 5 - Каэль, жизнь до	54
Глава 6 - Ах! Какое чудесное утро! К тренировкам!	62
Глава 7 - Нарастающая паранойя	69
Глава 8 - Сепар зверолод	76
Глава 9 - Глашатай смерти Ворн	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Антон GRIMTONN

Я уже умирал сегодня

Глава 1 - Хочу назад!

Вечер был из тех что хочется растянуть.

Не потому что происходило что-то особенное — просто смех был настоящим, вино не кислило, и никто не смотрел в телефон. Каэль сидел у окна, крутил бокал в руках и думал что надо бы чаще вот так. Просто сидеть. Просто быть.

— Ты опять куда-то улетел, — сказал кто-то напротив.

— Никуда. Слушаю.

— Врёшь.

— Немного.

Смех. Звон бокалов. Ресторан гудел вокруг — чужие разговоры, чужая музыка, запах чеснока и горячего хлеба. Каэль подумал что запомнит этот вечер. Просто так. На всякий случай.

Он не знал насколько окажется прав.

Живот скрутило резко, без предупреждения.

— Отойду на минуту, — он поднялся, придержал стол рукой — чуть повело.

— Всё нормально?

— Вино, — соврал он, уже двигаясь к туалету.

Нет. Не вино.

Туалет был пуст. Белый кафель, холодный свет, запах дезинфектора. Каэль успел добраться до раковины, вцепился в края — и его вывернуло. Раз. Потом ещё раз. Он держался на руках и смотрел на воду которая утекала вниз и думал *что-то не так, что-то очень не так* но мысль не успела оформиться до конца.

Темнота пришла снизу. Сначала поплыл пол, потом стены, потом свет сжался в точку — И всё.

Солнце ударило в глаза как пощёчина.

Каэль зажмурился, дёрнулся — и понял что лежит. На камне. Твёрдом, тёплом, неровном камне. Где-то далеко кричала птица. Пахло пылью и чем-то сладким, незнакомым.

Он открыл глаза.

Небо было не того оттенка. Он не смог бы объяснить как именно — просто *не того*. Чуть теплее, чуть глубже, как будто кто-то выкрутил насыщенность на одно деление вправо.

Он сел.

Площадь. Большая, мощёная крупным серым камнем, с фонтаном в центре — вода в нём была странного голубоватого цвета. Вокруг здания — высокие, каменные, с узкими окнами и флагами которые он не узнавал. Люди в одежде которой не бывает. Телег больше чем машин. Машин нет вообще.

Кто-то на него смотрел.

Потом кто-то ещё.

Потом вокруг него образовался маленький пузырь пустого пространства — люди обходили стороной, бросали взгляды, перешёптывались.

Каэль медленно посмотрел на свои руки. Его руки. Обычные. Он ущипнул себя за запястье — больно, значит не сон — и тихо, очень тихо сказал вслух:

— Что за хрень.

Никто не ответил.

Фонтан журчал. Птица кричала. Солнце жгло макушку.

Каэль сидел на камне посреди чужой площади чужого города чужого мира, и единственное что он знал точно — его друзья сейчас смотрят на пустой стул и думают что он долго ходит в туалет.

Он встал с камня и пошёл. Просто пошёл — потому что сидеть и смотреть в небо было единственной альтернативой, а она казалась хуже.

Площадь вливалась в улицу, улица — в рынок.

Рынок был громкий, тесный, пахнувший одновременно рыбой, специями и животными. Каэль шёл между рядами и старался не останавливаться — когда останавливался, на него смотрели. Он и так был достаточно странным — одежда не та, лицо растерянное, и он единственный кто озирался по сторонам с видом человека который не понимает как работает гравитация.

Хлеб. Он увидел хлеб. Круглый, румяный, и от него шёл пар.

Каэль полез в карман — машинально, как лезут когда голодны и знают что деньги есть.

Деньги были. Двадцать евро мятой бумажкой и немного монет.

Он положил купюру на прилавок.

Торговка — женщина лет пятидесяти с красным лицом и руками как лопаты — посмотрела на бумажку. Потом на него. Потом снова на бумажку. Взяла двумя пальцами, понюхала, и протянула обратно с таким выражением как будто он предложил ей оплатить хлеб нарисованным грибом.

— Это что такое вообще?

— Деньги, — сказал Каэль.

— Чьи?

Он открыл рот. Закрыл.

— Моей... страны.

— Такой страны нет.

— Есть. Просто далеко.

— Иди откуда пришёл, — она убрала хлеб. — Далеко.

Следующие полчаса были вариациями этого разговора. Рыбник даже замахнулся. Торговец специями просто молча показал пальцем в сторону.

Каэль стоял между рядами, жевал что-то что кто-то выбросил — кажется фрукт, кисло-ватый — и методично пытался понять план действий.

Итого: чужой мир, нет денег, нет языка — нет, язык есть, это странно и хорошо — нет документов, нет знакомых, нет телефона. Телефон остался в ресторане. Друзья наверное уже звонят.

Он чуть не засмеялся.

— Ты потерялся?

Он обернулся.

Девушка смотрела на него с любопытством — не настороженным, а таким искренним, почти неприличным. Как смотрят на что-то непонятное но интересное. Одета была в куртку с нашивкой — круг, внутри скрещенные то ли мечи то ли инструменты, Каэль не разобрал.

— Не потерялся, — сказал он. — Я знаю где нахожусь.

— Где?

Пауза.

— На рынке.

Она улыбнулась. — Это точно. Я наблюдала за тобой минут десять. Тебя уже трижды прогнали.

— Четырежды.

— Ты считал?

— Я считаю всё.

Она наклонила голову. — Одежда странная. Говор чистый но интонации не отсюда. Деньги не наши. Ты не местный и не из соседних королевств — там я всех знаю в лицо примерно. Так откуда?

Каэль смотрел на неё секунду. Потом решил что терять особо нечего.

— Очень издалека. Настолько что ты не поверишь.

— Попробуй.

— Не сейчас. Сначала объясни мне как здесь работают деньги, что такое гильдия на твоей куртке, и желательно — что я только что съел.

Она посмотрела на огрызок в его руке.

— Это кормовой для скота.

Долгая пауза.

— Ладно, — сказал Каэль. — Рассказывай про деньги.

Она объяснила быстро и без снисхождения — он оценил. Местная валюта, три номинала, гильдия занимается заданиями за плату, он может взять пробное если докажет что не совсем бесполезен.

— Какие задания?

— Разные. Сегодня простое — сбор трав за городом. Напарник отказался, одной неудобно. Пойдёшь?

Каэль посмотрел на неё. Незнакомый город, знакомый мир, знакомая девушка которая предлагает уйти за город.

Каждый инстинкт говорил *плохая идея*.

— Когда выходим? — спросил он.

Травы набрали быстро — она знала где искать, он молча таскал мешок и запоминал названия. Это он умел — запоминать. Солнце начало садиться раньше чем они планировали.

— Назад не успеем до темноты, — сказала она без особого беспокойства. — Здесь переночуем.

Лагерь был простым. Костёр, два куска ткани которые в её руках превращались в подобие палатки, котелок с чем-то горячим. Каэль сидел у огня и смотрел на знакомые звёзды.

Созвездий он не узнавал ни одного.

— Ты всё время молчишь и смотришь, — сказала она. — Думаешь?

— Всегда.

— О чём сейчас?

Он помолчал.

— О том что утром я ел нормальную еду в нормальном месте с нормальными людьми. А сейчас сижу у костра в другом мире и не знаю ни одной звезды над головой.

Она не сказала *другой мир* — странно. Просто смотрела на огонь.

— Бывает, — произнесла она наконец. — Ложись спать. Завтра в гильдии тебе заплатят за сегодня, хватит на комнату и еду.

Каэль лёг. Смотрел в темноту сквозь щель в ткани.

Последняя мысль была спокойной и глупой — *надо было взять хлеб у той женщины пока она отвлеклась*.

Он не почувствовал удара.

Просто темнота. Снова.

Но другая.

Солнце ударило в глаза.

Каэль зажмурился. Сел.

Площадь. Фонтан. Флаги.

Он моргнул несколько раз и первая мысль была совершенно земной — *она меня сюда притащила.*

Он огляделся. Людей вокруг много, его вещи при нём, но — он залез в карман. Евро не было. Ни бумажки, ни монет.

Вот значит как.

Он медленно встал и отряхнул колени. Ну конечно. Напоила чем-то в котелке, он отрубился, она обчистила карманы и бросила обратно на площади. Классика. Он идиот. Первый встречный человек в чужом мире и он пошёл за ним в лес ночевать.

Он даже разозлиться толком не успел — слишком устал.

Пошёл на рынок.

Бродил между рядами, думал как выйти из положения. Может предложить помощь в обмен на еду. Может найти гильдию самому и объяснить ситуацию.

Она появилась сама.

— Ты потерялся?

Каэль обернулся — и у него что-то неприятно дёрнулось внутри. Та же куртка. То же лицо. То же выражение — открытое, любопытное.

Ах ты.

— Нет, — сказал он ровно.

— Уверен? Тебя только что чуть не сбил торговец с тачкой.

— Я видел.

Она смотрела на него с интересом. Он смотрел на неё с интересом другого рода.

— Ты из гильдии? — спросил он.

— Да, — она чуть удивилась. — Откуда знаешь?

— Нашивка, — он кивнул на куртку. — Задания берёте?

— Берём.

— Возьмёшь меня напарником. Сегодня.

Она помолчала секунду — он явно сломал какой-то её сценарий.

— Обычно я сама предлагаю, — сказала она медленно.

— Я знаю, — сказал он. — Ты хотела предложить сбор трав. Напарник отказался.

Долгая пауза.

— Идём, — сказал он.

В этот раз он не разговаривал у костра. Ел молча, отвечал коротко, и когда она улеглась спать — притворился что тоже засыпает.

Ждал.

Костёр догорал. Лес шумел. Она дышала ровно.

Каэль лежал с закрытыми глазами и слушал — каждый шорох, каждое движение. Ждал момента когда она встанет, подойдёт, полезет в карманы.

Он почти задремал — и поймал себя на этом, дёрнулся.

Тишина. Она не двигалась.

Он выдохнул. Повернул голову —

И увидел брызги.

Тёмные, на траве, прямо перед лицом — он даже не понял сразу что это, просто увидел и не понял, а потом понял, и рука сама потянулась к шее...

Площадь.

Солнце.

Каэль не сел. Он лежал на камне и смотрел в небо и дышал — часто, неровно — и не мог остановиться.

Встать получилось не сразу. Колени не держали. Он добрался до фонтана, вцепился в край, и его вырвало в воду — долго, до желчи.

Потом просто стоял. Смотрел на своё отражение в голубоватой воде.

Шея целая.

Он провёл пальцами — раз, другой. Ничего. Кожа как кожа.

Она меня убила, — подумал он. — *Она меня убила и я здесь*.

Мысль была слишком большой чтобы в неё поверить, поэтому он убрал её на потом и пошёл на рынок.

Она появилась между рядами — та же куртка, то же лицо, то же открытое выражение.

— Ты потерялся?

— Где мои деньги, — сказал он.

Она моргнула. — Что?

— Деньги. Бумажки, которых ты не видела раньше. Где они.

— Я не понимаю о чём ты, — она смотрела на него с искренним недоумением. — Мы вообще незнакомы, я тебя первый раз вижу.

Каэль смотрел на неё долгую секунду.

Первый раз.

Он обернулся — площадь, фонтан, то же утро. Те же люди на тех же местах. Рыбник ещё не замахивался — значит рано, значит самое начало.

Откатилось, — понял он наконец. — *Не она меня бросила. Просто откатилось*.

Он медленно посмотрел на неё снова.

— Ты предложишь мне задание, — сказал он тихо. — Травы. За городом. Напарник отказался.

Она открыла рот. Закрыла.

— Ты... — она говорила осторожно, как говорят с человеком который может оказаться опасным. — Ты в порядке?

— Нет, — сказал он. — Но это сейчас не важно. Идём. После сбора травы, они снова развели костер, за весь день ни он, ни она не проронили ни слова, только сидя у костра она смотрела на него — и засмеялась. Неожиданно легко.

— Нагло, — сказала она.

— Эффективно, — поправил он.

Они помолчали. Костёр потрескивал. Каэль смотрел на огонь и думал что в этот раз всё идёт иначе. Он не спит. Он следит. Значит ничего не случится.

— Ты откуда вообще? — спросила она.

— Очень издалека.

— Это не ответ.

— Я знаю.

Она фыркнула и отвернулась к огню. Каэль наблюдал за ней краем глаза — спокойная, расслабленная, нож убран. Ничего подозрительного.

Может в прошлый раз это был несчастный случай. Может он сам на что-то напоролся в темноте.

Он почти поверил в это.

Почти — потому что краем глаза заметил как она тихо, очень тихо, пересела чуть ближе. Естественно, будто просто устраивается удобнее.

Каэль не пошевелился.

Она пересела ещё чуть ближе.

Спокойно, — сказал он себе. — *Просто смотри*.

— Холодно становится, — сказала она.

— Угу.

— Ты не мёрзнешь?

— Нет.

Пауза.

— Ты вообще когда-нибудь расслабляешься?

— Редко.

Она засмеялась — и в смехе было что-то чуть другое. Каэль не успел понять что именно. Просто темнота. Снова.

И на этот раз перед темнотой он не увидел ничего — ни крови, ни движения. Просто был и не стал. Что было почти хуже.

Солнце ударило в глаза.

Каэль сел. Посмотрел на фонтан. Посмотрел на флаги.

— Ладно, — сказал он вслух. Просто ладно. Без паники, без тошноты. Просто констатация факта.

Встал и пошёл на рынок.

Она появилась там же. Та же куртка, то же лицо.

— Ты потерялся?

— Нет, — сказал он. — Меня зовут Каэль. Ты из гильдии, я вижу нашивку. Есть задания для человека который умеет только таскать мешки и не теряться?

Она смотрела на него секунду — он снова сломал её сценарий.

— Обычно я сама начинаю разговор, — сказала она медленно.

— Я знаю как это выглядит, — сказал он. — Незнакомец в чужом городе без денег и без умений просит работу. Но выбора особо нет.

Что-то в его интонации — не жалость к себе, просто усталая честность — её зацепило. Она чуть расслабила плечи.

— Эвери, — сказала она. — Сегодня есть задание на охоту. Кабаны, небольшое стадо, фермер жалуется что потравили посевы. Ты охотился когда-нибудь?

— Нет.

— Держал оружие?

— Нет.

— Дрался хоть раз?

Он подумал секунду.

— Один раз. Проиграл.

Она смотрела на него с выражением которое он не смог прочитать.

— Ладно, — сказала она наконец. — Идём. Но если будешь мешать — уйдёшь сам.

Он мешал. Не намеренно — просто выяснилось что между *не теряться в лесу* и *охотиться на кабана* пропасть размером с этот самый лес.

Первый раз он наступил на ветку в самый тихий момент. Кабан ушёл.

— Смотри под ноги, — сказала она сквозь зубы.

— Я смотрел.

— Плохо смотрел.

Второй раз он бросил копьё — она дала попробовать, видимо из любопытства — и оно улетело куда-то в кусты. Кабан даже не посмотрел в его сторону.

— Сколько ты вообще умеешь? — спросила она.

— Меньше чем думал, — признал он.

Она смотрела на него. Потом — неожиданно — засмеялась. Тихо, но искренне.

— Хотя бы честный, — сказала она. — Иди сюда. Покажу как держать.

Она встала за его спиной, поправила руки на древке — деловито, без лишних движений.

— Не думай куда бросить. Смотри только на цель. Всё остальное тело само делает.

— Звучит как ерунда.

— Звучит как опыт. Попробуй.

Он попробовал.

Копьё ушло мимо — но уже не в кусты. Уже примерно туда.

— Лучше, — сказала она. Без похвалы, просто факт. Но почему-то это было приятнее любой похвалы.

Кабана в итоге взяла она. Каэль помог тащить — это он умел.

Они шли обратно к месту где решили встать на ночь, и он нёс тушу на плечах и думал что ноги гудят, спина гудит, руки гудят, и почему-то всё равно лучше чем вчера.

— Ты зачем вообще пошёл на охоту если ничего не умеешь, — спросила она. Не зло, просто любопытно.

— Других вариантов не было.

— Были. Мог остаться в городе.

— И что делать в городе без денег и без знакомых?

Она помолчала.

— Ты совсем один здесь?

— Совсем.

Она больше не спрашивала. Но темп немного замедлила — то ли устала, то ли ещё что-то. Костёр горел хорошо. Мясо шипело на огне и пахло так что у Каэля сводило живот.

— Переворачивай, — сказала она.

— Я переворачиваю.

— Ты жжёшь.

— Я переворачиваю как умею.

— Это видно.

Он перевернул. Она забрала у него палку и сделала сама — быстро, точно. Каэль смотрел и запоминал.

— Ты вообще хоть что-то умеешь? — спросила она. Без злобы. Почти с улыбкой.

— Думать, — сказал он. — И запоминать.

— И что ты запомнил сегодня?

Он помолчал.

— Что ты левша но копьё держишь правой рукой. Что перед броском задерживаешь дыхание на два счёта. Что когда нервничаешь — молчишь, а когда спокойна — говоришь.

Она смотрела на него через огонь.

— Это немного жутко, — сказала она.

— Я знаю, — согласился он. — Извини.

Пауза. Потом она засмеялась — нормально, по-настоящему.

— Не извиняйся. Просто предупреждай.

Они ели и разговаривали — он не запоминал о чём, просто говорили. Про город, про гильдию, про то что кабанина жёсткая если не знать как готовить. Костёр догорал медленно. Где-то далеко кричала та же птица что и в первый день.

Каэль смотрел на огонь и думал что это странно — сидеть вот так, просто, и не ждать удара.

Он не заметил как уснул.

Проснулся от тепла — чужого, живого. Эвери спала рядом, каким-то образом оказавшись у него под боком, лицо уткнуто в куртку, дышит ровно.

Каэль не пошевелился.

Смотрел в светящееся небо. Те же незнакомые звёзды — но сейчас почему-то не такие чужие.

Она меня не убила, — подумал он.

И сам не понял почему от этой мысли так странно на душе — не только облегчение. Что-то ещё. Что-то чего он пока не хотел называть.

Он осторожно закрыл глаза и лежал так до рассвета — не спал, просто лежал — и впервые за три цикла он не вернулся на площадь.

Рынок утром был шумным и тёплым.

Эвери шла между рядами уверенно — здоровалась с торговцами, торговалась без злобы, складывала покупки в сумку с видом человека который делает это каждый день и знает цену каждой монете. Каэль шёл рядом и нёс — это он уже умел хорошо.

— Вот это зачем? — он кивнул на пучок чего-то фиолетового.

— Еда.

— Выглядит как трава.

— Еда выглядит по-разному.

— У нас так не едят.

— У вас, — она покосилась на него, — судя по всему вообще странно едят. Ты вчера смотрел на хлеб как на произведение искусства.

— Хороший был хлеб.

Она засмеялась и пошла дальше. Каэль подхватил сумку потяжелее и двинулся следом.

Её дом был небольшим — два этажа, узкая лестница, окно на крышу соседнего здания. Чисто, без лишнего. На стене карта с отметками — задания, маршруты, что-то личное что он не стал читать.

— Комната наверху свободная, — сказала она не оборачиваясь, разбирая покупки. — Платишь треть от заработка. Завтрак сам, ужин пополам.

Каэль стоял в дверях и смотрел на её спину.

— Почему? — спросил он.

— Что почему?

— Почему предлагаешь.

Она помолчала секунду.

— Напарник нужен нормальный, — сказала она. — Ты странный но не бесполезный. И не врешь в лицо — это редкость.

Он мог бы поспорить насчёт последнего. Не стал.

— Договорились, — сказал он. — Собирайся, сейчас мы пойдем к аттестатору, хочу узнать твой потенциал - хихикнув она добавила - напарничек.

Аттестатор принимал в небольшом здании у южной стены — табличка на двери, запах чего-то горелого, старик за столом заваленным кристаллами разных размеров.

— Новенький? — он посмотрел на Каэля поверх очков.

— Хочет знать свой уровень, — сказала Эвери. — Он издалека, у них аттестации нет.

— Руку.

Каэль протянул. Старик положил его ладонь на большой мутноватый кристалл — и тот немедленно пошёл трещинами.

Долгая пауза.

— Интересно, — сказал старик тихо. Не радостно. Скорее озадаченно.

— Что? — спросила Эвери.

— Сингулярность. — Он отпустил руку Каэля и откинулся на спинку кресла. — Уровень

А.

Эвери замерла.

— Есть предрасположенности стандартные, — сказал старик, глядя куда-то мимо них. — Молния, огонь, вода, земля, свет, тьма. А есть сингулярность — это когда душа не вписывается ни в один канал. Потенциал огромный. Теоретически.

— Теоретически, — повторил Каэль.

— Практически, — старик посмотрел на него прямо, — твоя душа как сосуд с дырками. Мана не держится. Она уходит раньше чем ты успеваешь её использовать. Откуда дырки — не знаю. Таких я не видел.

Каэль смотрел на треснувший кристалл.

Дырки в душе, — подумал он. — *Это хотя бы честно.*

— Это лечится? — спросила Эвери.

— Не знаю, — сказал старик. — Я таких не видел.

Домой шли молча. Эвери поглядывала на него — он чувствовал но не реагировал.

— А по сути ты самый сильный потенциально, — сказала она наконец.

— По сути я сосуд с дырками.

— Это можно починить наверное.

— Наверное.

Она хотела сказать ещё что-то — он видел — но не сказала. Просто шла рядом. Каэль смотрел на мостовую под ногами и думал что дырки в душе это, пожалуй, самое точное описание из всех что он слышал о себе.

Они поднялись домой. Эвери занялась ужином. Каэль сел у окна, смотрел на улицу, слушал как она гремит посудой.

Тепло. Тихо. Обычный вечер.

Он закрыл глаза. И увидел...

Зеркало.

Каэль смотрит в зеркало — но не видит лица. Только что-то размытое, чужое, и он не понимает чьё это лицо и почему оно здесь — какой-то странный голос, словно диктор с некой печалью произнес эти слова...

Его руки двигаются сами.

— Умри, — говорит он тихо. Голос не его. Или его — он уже не помнит как звучит его голос. — Умри умри умри умри жалкий Каэль —

Стекло в руке. Откуда стекло. Неважно.

— УМРИ —

Он очнулся. Руки дрожжали, подмышки вспотели, ему было тревожно... Что это было? Видение? Может он просто устал, не понятно. Он продолжил сидеть у окна.

Комната. Окно. Улица внизу — тихая, вечерняя.

Каэль сидел не двигаясь и слушал своё дыхание. Ровное. Руки целые. Лицо целое.

Просто сон.

Снизу пахло едой. Эвери что-то напевала — тихо, бессмысленно, просто так.

Он встал, умылся холодной водой, смотрел на своё отражение долгую секунду.

Целое лицо. Пока.

— Каэль! — крикнула она снизу. — Ужин!

— Иду, — сказал он.

И пошёл вниз.

Ночь прошла тихо, утро было необычайно теплым, Каэль и Эвери собрались обновить свое снаряжение, поэтому быстро позавтракали и пошли в лавку.

Лавка снаряжения пахла кожей и металлом.

Каэль шёл между стеллажами и трогал всё подряд — не потому что собирался купить, просто руки искали что делать пока голова думала о другом. Эвери что-то объясняла про разницу между походными сапогами и боевыми, он кивал в нужных местах.

— Вот это тебе подойдёт, — она протянула куртку. Плотная, с усилением на плечах. — Примерь.

Он примерил. Смотрел на своё отражение в мутном зеркале у стены.

Чужая одежда. Чужой город. Чужой мир.

— Нормально сидит, — сказала Эвери, обойдя его кругом с деловым видом. — Берём.
— Берём, — согласился он.

Они вышли через час — он с курткой, она с новыми ножнами. Солнце стояло высоко, рынок гудел, пахло хлебом из соседней лавки.

Каэль шёл и думал про хлеб.

Не про этот — про тот. Из ресторана где они сидели в тот вечер. Там подавали с розмарином и чем-то ещё, он не запомнил с чем, просто помнил что было хорошо и он думал надо бы чаще вот так.

Интересно, они уже поняли что он пропал. Наверное да. Наверное уже полиция, наверное родители —

Мама, — подумал он. Просто слово. Просто так.

— Эй, — Эвери толкнула его плечом. — Ты где?

— Здесь.

— Врёшь. Ты вон там где-то, — она махнула рукой неопределённо. — Далеко.

— Думаю.

— О чём?

Он помолчал.

— О доме, — сказал он наконец.

Она не стала спрашивать какой дом и где. Просто шла рядом.

— Скучаешь? — спросила она тихо.

— Не знаю, — честно ответил он. — Там была жизнь которую я не особо ценил. Работа, привычки, люди. Ничего особенного. А сейчас бы отдал многое чтобы просто —

Он не закончил.

— Просто что?

— Просто знать что они в порядке, — сказал он. — Те кто остался.

Эвери молчала секунду.

— Вернёшься, — сказала она. Не как обещание. Просто как факт который она решила считать верным.

Каэль посмотрел на неё.

— Да, — сказал он. — Наверное.

Домой они пошли через узкую улицу — Эвери говорила что так короче. Каэль нёс покупки и думал что надо будет спросить у аттестатора можно ли укрепить душу, есть ли способы залатать эти дырки, есть ли вообще —

Эвери остановилась.

Он не сразу понял почему. Просто она шла и потом не шла, и он обернулся —

Она стояла с широко открытыми глазами и смотрела куда-то мимо него. На своей груди она держала руки — прижимала к себе — и между пальцами что-то тёмное.

— Эвери, — сказал он.

Она открыла рот. Ничего не сказала. Медленно начала оседать.

Каэль бросился к ней — поймал, опустил на землю, руки уже на её руках —

— Эвери, смотри на меня, смотри —

Она смотрела. Но как-то мимо.

— Кто, — сказал он. — Кто это сделал, откуда —

Он поднял голову. Улица была пустой. Никого. Только они двое и тихий переулочек и далёкий шум рынка.

— Не, — она что-то пыталась сказать. — Не у...

— Молчи, — сказал он. — Молчи, я сейчас —

Он не знал что сейчас. Он не умел лечить. Он не знал где врач. Он не знал ничего —

Её руки стали тяжёлыми.

— Эвери.

Тишина.

— Эвери —

Что-то ударило его сзади. Резко, быстро, без предупреждения.

Темнота.

Солнце.

Камень.

Площадь.

Каэль лежал на спине и смотрел в небо — и впервые с тех пор как всё началось у него не было ни одной мысли. Просто пустота. Просто небо не того оттенка.

Потом пришла одна мысль.

Эвери.

Он закрыл глаза.

Глава 2 - Мана убьет меня!

В этот раз, солнце не било в глаза, он не лежал, он просто стоял, а впереди шла Эвери. Впервые он не вернулся на площадь... Это странно? Ну конечно же это странно! - подумал он про себя.

Они шли домой. Но что-то поменялось. Непонятно.

Каэль знал этот маршрут — каждый поворот, каждую трещину в мостовой. Знал и то что будет за следующим углом, и от этого знания что-то сжималось в груди. Но откуда он настолько хорошо мог все это знать?

— Стой, — сказал он.

Эвери обернулась. — Что?

— Не туда.

Она смотрела на него. Тот самый взгляд — быстрый, оценивающий, как будто считывает что-то что он не говорит вслух.

— Предчувствие, — сказал он коротко. — Просто предчувствие.

Пауза.

— Иди домой другой дорогой, — сказала она наконец. Голос ровный, но что-то в нём изменилось. — Я пройду здесь сама.

— Эвери —

— Иди, Каэль.

Он смотрел на неё секунду. Потом кивнул и пошёл.

За угол зашёл — и остановился. Прислушался.

Тишина. Потом — короткий звук, металл о металл.

Он побежал обратно.

Она стояла над одним из них — тот лежал у стены, держался за голову. Второй был ещё на ногах, и Каэль влетел в него плечом не останавливаясь, они покатались по мостовой, он оказался сверху и ударил — неловко, не как боец, но с весом — и ещё раз, и незнакомец обмяк.

Тишина.

Каэль сидел на мостовой и дышал. Эвери стояла рядом — оба в капюшонах, лиц не видно.

— Ты должен был уйти, — сказала она.

— Я ушёл, — ответил он. — Недалеко.

Она посмотрела на него. Потом на двух незнакомцев.

— Верёвка в сумке, — сказала она. — Вяжи.

Допрос проходил в узком промежутке между домами, куда они оттащили обоих. Первый молчал — демонстративно, с видом человека который умирать не боится. Каэль смотрел на него и думал что с такими людьми разговаривают иначе.

Второй был моложе. Это было заметно по тому как он дышал.

— Зачем, — сказал Каэль. Просто зачем. Без интонации.

Молчание.

Эвери присела рядом со вторым. Что-то сказала тихо — Каэль не расслышал. Тот дёрнулся.

Потом ещё один вопрос. Ещё.

Молодой сломался на третьем.

— Ты, — он смотрел на Каэля, — от тебя идёт аура. Мы её почувствовали как только ты появился в городе.

— Какая аура, — сказал Каэль ровно.

— Проклятия, — парень сглотнул. — О таких не говорят вслух. Чтобы не сеять панику. Руководство Гильдии Весов приняло решение — источник нужно устранить. Тихо. До того как кто-то почувствует и начнёт задавать вопросы.

Тишина.

— Гильдия, — повторила Эвери медленно. Её голос был странным. — Наша гильдия.

— Не ваша, — сказал парень. — Верхушка. Вы не знали.

Каэль смотрел на свои руки. Потом на него.

— Давно они это решили?

— Как только ты зарегистрировался у аттестатора. Он обязан докладывать о сингулярных. Всегда.

Они отпустили молодого. Первый так и не сказал ни слова — они оставили его связанным и пошли.

Шли молча долго.

— Ты знал, — сказала Эвери наконец. Не вопрос.

— Нет, — сказал он. — Я знал что там будет опасно. Не знал почему.

Она остановилась.

— Каэль. Аура проклятия — это правда?

Он смотрел прямо на неё.

— Да, — сказал он.

Она долго молчала. Потом пошла дальше.

— Дома расскажешь, — сказала она. — Всё.

Он шёл рядом и думал что *всё* это очень много. И что он понятия не имеет с чего начать. И что она, пожалуй, заслуживает честного ответа — впервые за долгое время кто-то спрашивал не из любопытства а потому что имел право знать.

Наконец-то они пришли домой, закрыв дверь Каэль увидел что на улице полил дождь, это была его любимая погода, сидеть за столом, слушая звуки дождя за окном. Тем временем Эвери недовольно сняла свой плащ, повесив его на вешалку она что-то бурчала себе под нос. Она поставила чайник. Каэль сел за стол и смотрел на свои руки.

— Говори, — сказала она. Спиной к нему, у плиты.

— С чего начать.

— С начала.

Он помолчал секунду. Потом начал.

Рассказывал ровно — без лишних слов, почти как отчёт. Другой мир, ресторан, туалет, площадь. Она не перебивала. Чайник закипел — она не пошевелилась. Он рассказал про первую ночь в лесу. Про то как проснулся снова на площади. Про второй раз. Про третий.

— Каждый раз одно и то же место, — сказал он. — Каждый раз с начала. Но я помню всё.

Эвери обернулась. Смотрела на него.

— Ты умирал, — сказала она медленно. — И возвращался. Несколько раз.

— Да.

— И каждый раз — ко мне.

Он посмотрел на неё.

— Каждый раз к тебе.

Она долго молчала. Потом села напротив — не налила чай, просто села — и смотрела на него с выражением которое он не смог прочитать.

— Аттестатор сказал про дырки в душе, — произнесла она наконец.

— Да.

— Это от этого?

— Наверное.

— Каэль, — она говорила очень ровно. — Ты понимаешь что это —

Он не услышал что именно.

Потому что что-то горячее и резкое поднялось изнутри — он успел подумать *не сейчас* — и накрыло.

Он сполз со стула на пол раньше чем понял что падает. Услышал как она вскрикнула, потом её руки — на плечах, на лице — и кровь во рту, и темнота не как смерть а просто как провал, и последнее что почувствовал — холод пола под щекой.

Потолок был деревянный. Он смотрел на него долго прежде чем понял где находится.

Своя комната. Кровать. За окном светло — день, непонятно какой.

Он попробовал встать.

Не вышло.

— Лежи, — сказала Эвери.

Она сидела у стены на стуле — с книгой, но книга была закрыта на коленях. Она просто сидела и смотрела на него.

— Сколько, — спросил он. Голос был чужой, хриплый.

— Три дня.

Он закрыл глаза.

— Ты всё это время —

— Лежи, — повторила она.

Он лежал. Слышал как она встала, загремела чем-то у стола, вернулась. Тёплая кружка появилась у его руки.

— Пей.

— Что это.

— Пей.

Он выпил. Горькое, травяное, неприятное.

— Гадость, — сказал он.

— Помогает.

Она забрала кружку и снова села. Он смотрел в потолок.

— Эвери.

— Что.

— Ты не ушла.

Молчание.

— Некуда было идти, — сказала она наконец. — Задание отменили.

— Понятно.

Пауза.

— Каэль.

— Что.

— Следующий раз когда захочешь рассказать что-то важное, — она говорила ровно, — выбери момент когда не падаешь в обморок сразу после.

Он не ответил секунду.

Потом засмеялся — тихо, почти беззвучно. Первый раз за несколько дней.

— Постараюсь, — сказал он.

Она не засмеялась в ответ. Но что-то в её плечах чуть опустилось — как будто она держала что-то тяжёлое и наконец поставила на пол.

За окном шумел город. Каэль лежал и слушал её дыхание и думал что три дня она сидела на этом стуле и никуда не ушла.

И что это, пожалуй, важнее любого объяснения.

На четвёртый день он смог сесть без помощи.

На пятый — дойти до окна. Стоял там долго, смотрел на улицу, на людей которые шли по своим делам и понятия не имели что в доме над лавкой с травами человек учится заново держаться на ногах.

— Хватит, — сказала Эвери за спиной. — Ляг.

— Я стою.

— Вижу что стоишь. Ляг.

— Эвери —

— Каэль.

Он лёг.

На шестой день она принесла еду и осталась — не у стены на стуле, а прямо за столом у его кровати. Поставила две тарелки.

— Ешь, — сказала она. — И говори. Нормально на этот раз, без крови на полу.

Он посмотрел на неё. Потом на тарелку.

— С чего начать.

— С того на чём остановился.

Он ел и говорил — медленно, обдуманно. Она слушала и не перебивала, только иногда задавала короткие точные вопросы. Про циклы. Про то что сохраняется и что нет. Про аттестатора и дырки в душе.

— Подожди, — сказала она когда он закончил. — Ты рассказал мне. И ничего не случилось.

— Да.

— Но обычно такие силы даруются темными сущностями, а они не любят свидетелей.

— Незнаю.

Она помолчала. Смотрела на свою тарелку.

— Значит со мной что-то не так, — сказала она медленно. — Или с тобой. Или с нами обоими.

— Или ты просто исключение, — сказал он.

— Люди не бывают исключениями из законов тёмных сил, Каэль.

— Ты бываешь, — сказал он просто.

Она не ответила. Но взяла со стола небольшую книжку в тёмной обложке и открыла на первой странице.

— Я начала записывать, — сказала она. — Пока ты лежал. Ключевые события, даты, детали. На случай если у тебя будут провалы.

Он смотрел на её почерк — быстрый, чёткий, без лишних украшений.

— Ты веришь мне, — сказал он. Не вопрос.

— Я видела как ты упал, — сказала она. — И видела что было до этого. Глупо не верить.

Он молчал секунду.

— Эвери. Если это правда — если такие силы действительно не любят свидетелей — ты можешь быть в опасности. Просто от того что знаешь.

Она закрыла книжку. Посмотрела на него прямо.

— Ты три дня лежал без сознания, — сказала она. — И первое что говоришь когда лучше — что я в опасности.

— Это важно.

— Знаю. Запишу, — она открыла книжку снова и что-то написала. — Назовём это как-то. Чтобы не говорить каждый раз *тёмные силы не любят свидетелей*.

Он думал секунду.

— Закон свидетеля, — сказал он.

Она написала. Подчеркнула.

— Закон свидетеля, — повторила она. — Хорошо. И почему на меня он не действует — это вопрос открытый.

— Открытый, — согласился он.

Она снова посмотрела на него — долго, с тем самым выражением которое он до сих пор не научился читать.

— Поправляйся, — сказала она наконец. — Послезавтра идём в гильдию. Нам нужны деньги и нам нужна информация. И сидеть дома я больше не намерена.

Послезавтра он встал сам, оделся сам, спустился вниз сам.

Эвери стояла у двери — куртка, дневник в сумке, привычный деловой вид. Посмотрела на него. Молча кивнула.

Они вышли.

Город шумел как обычно. Солнце было то самое — чуть теплее чем надо, чуть ярче.

Каэль шёл рядом с ней и думал что дневник в её сумке весит, наверное, совсем мало. И что это самое важное что у него сейчас есть.

ГИЛЬДИЯ ВЕСОВ спустя пару часов

Внутри было людно — гул голосов, стук кружек, доска объявлений у стены завешана листками с заданиями. Эвери шла к доске уверенно, Каэль за ней.

— Вот, — она ткнула в один листок. — Сбор мнемолитов. Камни удерживают ману, ценятся у алхимиков и аттестаторов. Платят прилично, искать не сложно если знаешь где.

— Знаешь?

— Знаю.

Она сорвала листок и пошла к стойке регистрировать заказ.

Каэль остался у доски — и почувствовал на себе взгляды раньше чем услышал голоса.

Двое за соседним столом, оба разглядывали Эвери у стойки с тем выражением которое не нуждается в переводе.

— А она ничего, я бы с ней... ух.. — сказал один достаточно громко чтобы услышали. — Новенький с ней ходит?

— Так пусть погуляет, — второй встал, направился к стойке.

Каэль не сдвинулся с места. Просто посмотрел.

Не зло. Не угрожающе даже — просто посмотрел, прямо, он все еще не понимал что за ним по пятам, буквально плетется аура смерти, а его взгляд может напугать неподготовленного воина.

Второй замедлился на середине шага.

Что-то в этом взгляде было не так. Не злость — там вообще не было ничего человеческого в привычном смысле, как будто на секунду в комнате открылась дверь и словно холодное жжение расплзлось по телу.

Он остановился.

Потом, не сказав ни слова, медленно сел обратно за стол.

Первый посмотрел на него, потом на Каэля — и тоже притих, опустил взгляд в свою кружку.

Эвери вернулась с подписанным заказом, не заметив ничего.

— Идём, — сказала она. — Это в дне пути, к Шепчущим Холмам.

Каэль кивнул и пошёл за ней, не оглядываясь.

ШЕПЧУЩИЕ ХОЛМЫ день спустя.

Название оправдывало себя с первых минут.

Холмы тянулись вереницей, поросшие низкой серебристой травой которая шевелилась даже без ветра — тихо, едва заметно, будто дышала. Камни выступали из земли неровными

грядями, серые с прожилками бледно-голубого, и если приложить ухо — Эвери показала это в первый час — можно было услышать слабый гул. Не звук, скорее ощущение звука.

— Отсюда и название, — сказала она. — Земля здесь насыщена остаточной маной. Холмы будто шепчут.

Воздух был чище чем в городе, прохладный даже под солнцем, и пах чем-то металлическим, едва ощутимым — Каэль не сразу понял что это и есть запах концентрированной маны, просвечивающей через камень.

Тропа вела между холмами вниз, в неглубокую долину где трава была гуще и серебро в ней — ярче, почти светящееся в тених. Где-то вдалеке белели руины — старая башня, обрушенная наполовину, обвитая той же травой.

— Мнемолиты обычно ближе к разломам, — сказала Эвери, кивая на трещины в земле тут и там, узкие, тёмные, из которых тоже шёл этот слабый гул. — Чувствуешь что-то?

Каэль остановился. Закрыв глаза.

Что-то было — не звук, не образ, что-то на грани восприятия, как будто его нестабильная душа резонировала с этим местом сильнее чем обычная.

— Да, — сказал он тихо. — Чувствую.

Эвери посмотрела на него с интересом.

— Это хорошо, — сказала она. — Или плохо. Посмотрим.

Они спустились в долину, и шёпот холмов стал отчётливее — тихий, бесконечный, как будто сама земля разговаривала сама с собой на языке который почти можно было разобрать.

Эвери уже начала бегать и постукивать по камушкам.

Первый час прошёл спокойно.

Они шли вдоль гряды, Эвери проверяла каждый камень — стучала по нему костяшками, слушала отклик.

— Этот пустой, — говорила она, переходя к следующему. — А этот — слышишь гул? Заряженный.

— Звучит одинаково для меня.

— Потому что ты не слушаешь. Слушай.

Каэль стучал по соседнему камню. Прислушался.

— Ничего.

— Значит пустой. Тренируйся.

Он шёл дальше, пробовал ещё. Где-то на пятом камне ему показалось что есть разница — едва заметная, но была.

— Этот, кажется, не пустой.

Эвери подошла, постучала. Кивнула.

— Слабый, но есть. Учишься.

Они работали молча какое-то время, потом она спросила:

— Готовить умеешь?

— Яйца умею.

— Это не готовка, это выживание.

— У нас яйца — это почти искусство.

— Сомневаюсь.

— Зря.

Она усмехнулась, не отрываясь от камня который проверяла.

— Дома готовить буду я, — сказала она. — А ты мыть посуду. Справедливо.

— Договорились.

Солнце клонилось к холмам, тени становились длиннее, когда Каэль наткнулся на камень крупнее остальных — почти с него ростом, наполовину вросший в землю, с прожилками не голубого, а тёмного, почти чёрного цвета.

— Эвери, — позвал он. — Глянь сюда.

Она подошла, постучала — и сразу отступила на шаг.

— Громкий, — сказала она тихо. — Очень громкий. Не трогай пока, дай я —

Но он уже взялся за камень обеими руками, потянул.

И почувствовал.

Из кончиков пальцев — тонкими чёрными струйками, как дым который течёт не вверх а вбок, противоестественно — потянулось что-то из него. Не боль. Что-то холоднее боли.

— Каэль, отпусти, — сказала Эвери резко.

Он не мог. Руки приклеились к камню, и чёрные нити продолжали вытекать, и камень под ними начал — двигаться.

Прожилки расплзались, темнели, поверхность начала пузыриться как кипящая смола. Раздался звук — влажный, скрипящий, будто что-то рвалось изнутри камня.

Каэль наконец оторвал руки и отшатнулся.

Камень продолжал меняться сам.

Он вздувался неровными буграми, трескался, и из трещин текла густая чёрная жижа — медленно, как смола, капала на траву и трава под ней мгновенно чернела и съёживалась. Что-то внутри камня хрустнуло — глухо, тяжело — и проступили очертания: сгорбленная фигура, не больше собаки, но конечности слишком длинные, суставы вывёрнуты не в ту сторону.

Челюсть формировалась последней — и формировалась неправильно. Она отвисла набок, держалась на тонкой полоске чего-то похожего на сухожилие, и существо не могло закрыть рот, просто хрипело сквозь эту дыру, и с подбородка тянулась нитка чёрной слюны вперемешку с той же жижой что текла из камня.

Один глаз открылся — мутный, без зрачка. Второй так и не появился, просто пустая впадина.

Существо повернуло голову — медленно, со скрипом, как несмазанный механизм — и посмотрело на Каэля единственным глазом.

Он стоял и не мог двинуться.

Эвери уже была рядом.

Камень — обычный, с земли, размером с кулак — мелькнул у неё в руке один раз.

Глухой удар. Существо осело на бок, дёрнулось, и затихло — челюсть наконец оторвалась полностью и упала в траву отдельно, продолжая сочиться чёрным.

Тишина.

— Ну, — сказала Эвери, отряхивая руку, как будто только что прихлопнула муху. — Это было неожиданно.

Каэль смотрел на то что осталось.

— Что это было.

— Без понятия, — она пнула останки носком сапога, проверяя. — Но звучало громко, а ты — сингулярность с дырками в душе. Возможно совпадение оказалось не очень удачным.

— Возможно, — повторил он, голос ещё немного дрожал.

— Сядь, — сказала она. — Ты белый как мел.

Он сел прямо на траву.

Лагерь разбили чуть выше по склону, подальше от чёрного пятна на земле где трава так и не выпрямилась.

Костёр горел ровно. Эвери разложила мешок с собранными мнемолитами, считала их при свете огня.

— Девять, — сказала она. — Неплохо для одного дня. Без учёта твоего личного вклада в зоологию.

— Очень смешно.

— Я подумала что смешно.

Он лежал на спине, смотрел на звёзды — те самые, незнакомые, но теперь уже почти привычные — и думал что устал так, как не уставал ни в одном из предыдущих циклов.

— Эвери.

— Что.

— Спасибо. За камень. В смысле — за то что прихлопнула.

— Не за что, — она легла, повернувшись к костру спиной. — В следующий раз сам не трогай то что громко. Договорились?

— Договорились.

Тишина. Костёр трещал. Где-то в холмах что-то шептало — тихо, едва слышно, как и всегда.

Каэль закрыл глаза и подумал что это, пожалуй, был один из лучших дней за всё время здесь.

Несмотря на монстра.

УТРО СЛЕДУЮЩЕГО ДНЯ

Эвери сворачивала ткань палатки быстрыми привычными движениями, Каэль складывал мешок с мнемолитами рядом.

— Девять штук, — сказала она, проверяя мешок ещё раз. — Должно хватить на хорошую цену.

— Если донесём.

— Донесём. Это день пути, не неделя.

Он затянул верёвку на мешке, перекинул через плечо.

— Холмы красивые, — сказал он, глядя назад на серебристую траву которая всё так же тихо шевелилась. — Жуткие, но красивые.

— Шепчущие, — она подняла свой мешок. — Не зря название.

Они пошли. Тропа вела вверх, потом вниз, мимо тех же руин башни которые они видели вчера издалека.

— Дома сначала еда, потом гильдия, — сказала Эвери. — Я голодная как —

Каэль остановился.

Эвери прошла ещё пару шагов, не заметив, потом обернулась.

— Что?

Он стоял неподвижно. Потом рука дёрнулась к голове — резко, как от удара которого не было.

— Каэль?

Он не ответил. Колени подломились.

— Каэль!

Она бросилась к нему, поймать не успела — он упал на тропу, и из носа уже текла тонкая струйка тёмной крови, и глаза были открыты, но смотрели мимо неё, в небо, и зрачки —

— Каэль, смотри на меня, ЧТО С ТОБОЙ —

Он не дышал.

Эвери сидела с ним на тропе и кричала его имя, и руки тряслись когда она пыталась нащупать пульс который не находился, и холмы вокруг продолжали тихо шептать, как будто ничего не случилось.

Палатка.

Руки на ткани.

Каэль моргнул, глядя на свои пальцы которые сворачивали ту же верёвку которую он уже сворачивал.

— Девять штук, — сказала Эвери рядом, проверяя мешок. — Должно хватить на хорошую цену.

Он не ответил сразу.

— Эй, — она подняла взгляд. — Ты в порядке? Белый какой-то.
Каэль смотрел на неё.

Точка возврата сдвинулась, — подумал он. — Теперь она *здесь*.

Это означало что между площадью и этим моментом — теперь целая жизнь которую он не сможет прожить заново если умрёт снова раньше. Это означало что-то изменилось.

И он понятия не имел что именно его убило.

— В порядке, — сказал он вслух. — Идём.

Но когда они тронулись в путь, он шёл медленнее обычного — и каждый раз когда голова чуть кружилась от жары, внутри что-то холодело.

Они шли той же тропой, и в этот раз Каэль считал шаги от палатки — просчитывал, где именно это случится.

На пятидесятом шаге у него зазвенело в ушах.

— Эвери, — сказал он, голос чуть дрогнул, — если со мной что-то случится прямо сейчас

— Что значит если —

Кровь из носа. Уже знакомо, уже не настолько неожиданно для него — но он всё равно упал, и в этот раз успел увидеть её лицо в последнюю секунду, белое, искажённое, рот открыт в крике который он не успел услышать целиком.

— КАЭЛЬ!

Она упала на колени рядом, перевернула его на спину, прижала ухо к груди — тишина, ничего, и она замотала головой, ударила по груди ладонью раз, другой, бестолково, не зная как правильно, просто потому что руки требовали что-то делать.

— Нет, нет, нет, не сейчас, ты не можешь — Каэль, ОТКРОЙ ГЛАЗА —

Глаза не открывались. Тропа была пустой, холмы шептали вдалеке, и она кричала его имя в пустоту которая ей не отвечала, и в какой-то момент крик перешёл в рыдание, и она просто сидела, держа его голову на коленях, раскачиваясь, повторяя его имя уже не как зов а как молитву которая ничего не может исправить.

Палатка.

Верёвка в руках.

Каэль выдохнул резко, почти со стоном.

— Опять, — сказал он тихо.

— Что опять? — Эвери подняла взгляд от мешка.

Он не ответил. Смотрел на тропу впереди — ту же самую, безобидную на вид.

Пятьдесят шагов, — подумал он. — *Значит дело не в шаге. В месте.*

— Идём другой дорогой, — сказал он вслух.

— Другой дороги нет, Каэль, это единственная тропа через холмы.

Он закусил губу.

— Тогда идём медленно. И если что — тащи меня назад. Не вперёд.

Она посмотрела на него с подозрением. — Что ты знаешь.

— Догадываюсь, — сказал он. — Идём.

На этот раз он шёл считая каждый шаг вслух про себя, и на сорок седьмом — раньше чем в прошлый раз — у него потемнело в глазах.

— Назад, — выдохнул он, хватая её за руку. — Тащи меня —

Эвери не успела понять что происходит — он уже оседал, и она потянула его назад, как он просил, шаг, ещё шаг, прочь от того места —

И темнота забрала его раньше чем она успела сделать третий шаг.

— Каэль, нет, нет, я тебя тащила, я ТАЩИЛА ТЕБЯ НАЗАД, почему —

Она трясла его, кровь уже текла из носа на её руки, и в этот раз истерика была тише — не крик, а какой-то надломленный, сухой звук, будто голос кончился раньше чем горе.

— Ты говорил что есть место, — шептала она, прижимая его голову к себе. — Какое место, Каэль, скажи мне какое место —

Он не мог ответить. Он был мёртв.

Палатка. Верёвка.

В этот раз он сел прямо на земле и просто сидел секунду, обхватив голову руками.

— Каэль?

— Дай мне минуту, — сказал он.

Она сидела рядом и молчала — непривычно для неё, но она чувствовала что сейчас не время для вопросов.

Он поднял голову.

— Это не шаги, — сказал он. — Это место. Конкретная точка на тропе. Что-то там есть — в земле, в воздухе, не знаю. Концентрация маны, наверное. Слишком высокая. Для обычного человека — ничего. Для меня с моей —

— Дырявой душой, — закончила она тихо.

— Да.

Она долго молчала.

— Значит надо его найти, — сказала она. — До того как дойдём.

— Как?

Она достала из сумки тот самый камень — обычный, с земли — и положила на ладонь.

— Я слышу гул, помнишь? Слабее чем мнемолит, но слышу. Если там высокая концентрация — я почувствую раньше тебя.

Он посмотрел на неё.

— Пойдёшь впереди.

— Пойду впереди, — подтвердила она. — А ты будешь держаться за моей спиной и доверять мне хоть раз без споров.

Он кивнул.

— Договорились.

Эвери шла впереди, медленно, с камнем в открытой ладони. Каэль держался на расстоянии шага позади, считая про себя — не шаги до смерти теперь, просто чтобы занять голову.

— Слышишь что-то? — спросил он.

— Тихо, — она подняла руку, останавливая. — Не мешай.

Они прошли так ещё минут десять. Холмы шептали как всегда, тихо, ровно — и вдруг камень в её руке тихо загудел.

Эвери замерла.

— Здесь, — сказала она. — Слышу. Сильнее.

Каэль остановился рядом, не делая больше ни шагу.

— Где именно?

Она присела, провела рукой над землёй, как будто щупала невидимый край.

— Вот тут граница начинается. — Она встала, отступила на пару шагов назад, к нему. — Дальше прямо нельзя. Надо обойти.

Они посмотрели на склон холма справа — крутой, поросший той же серебристой травой, но проходимый.

— Туда, — сказала Эвери.

Подъём был неудобным, но коротким. Каэль чувствовал лёгкое головокружение пока они шли вдоль гребня — но не то, не падающее в темноту, просто отголосок, эхо того что могло случиться внизу.

Когда они спустились обратно на тропу — уже за невидимой границей — головокружение пропало полностью.

Каэль остановился, перевёл дыхание.

— Прошли, — сказал он.

Эвери смотрела на него.

— Прошли, — повторила она. И впервые с начала их путешествия по холмам в её голосе была не деловитость, а что-то похожее на облегчение.

Они пошли дальше, и больше тропа ничего им не сказала.

ГИЛЬДИЯ. ВЕЧЕР.

Девять мнемолитов принесли больше денег чем они ожидали — клерк за стойкой даже присвистнул, отсчитывая монеты.

— Крупный сегодня попался, да? — спросил он, кивая на самый тёмный камень который Эвери предусмотрительно не упомянула как превратившийся в существо с оторванной челюстью.

— Попался, — согласилась она. — Долгая история.

ТАВЕРНА

Заведение было тёплым, шумным, пахло жареным мясом и пивом. Они сели у окна, заказали что-то горячее и по кружке — Каэль не помнил вкуса местного пива до этого вечера, и оказалось что оно неплохое.

— За девять камней, — сказала Эвери, поднимая кружку.

— За то что я их не трогаю руками в следующий раз, — ответил Каэль.

Она усмехнулась, чокнулась с ним.

Они ели молча какое-то время — после долгого дня молчание было приятным, не пустым. За окном темнело, в таверне зажигали лампы одну за другой.

— Знаешь, — сказала Эвери, глядя в кружку, не на него, — я когда первый раз тебя увидела на рынке — думала ты либо шпион, либо идиот.

— Я выбираю третий вариант, который ты не предложила.

— Какой?

— Просто потерянный.

Она посмотрела на него, что-то в её лице смягчилось.

— Потерянный, — повторила она. — Да, наверное.

Пауза. Гул таверны вокруг, смех за соседним столом, кто-то фальшиво пел в углу.

— Каэль, — сказала она тише. — Я хочу сказать что-то и хочу чтобы ты не превращал это в шутку.

Он отложил кружку. — Слушаю.

Она помолчала, собираясь с словами.

— Я рада что познакомилась с тобой, — сказала она просто. — Серьёзно. Не из-за денег, не из-за заданий. Просто — мне с тобой спокойно. Это странно, потому что вокруг тебя постоянно что-то странное происходит, ты падаешь без сознания, ты говоришь о смертях которых я не видела, ты иногда смотришь на людей так что они бледнеют и садятся обратно за стол —

— Ты заметила это?

— Я всё замечаю, — она отмахнулась. — Не перебивай. Я хочу сказать что несмотря на всё это — мне с тобой комфортно. Так, как ни с кем раньше не было.

Каэль смотрел на неё. Не знал что сказать — и решил не пытаться придумывать что-то умное.

— Мне тоже, — сказал он просто. — С тобой. Очень.

Она кивнула, как будто этого было достаточно, и взяла кружку снова.

— Не превращай это в момент, — сказала она. — Просто допивай.

Он улыбнулся, и допил.

За окном город жил своей вечерней жизнью, и впервые за долгое время Каэль не считал ничего — ни шагов, ни циклов, ни того что может пойти не так.

Просто сидел. Просто был.

После таверны они вернулись разговорчивыми и сытыми, и Эвери сразу достала свою книжку с записями.

— Рассказывай, — сказала она, садясь за стол с пером в руке. — Все смерти на холмах. По порядку.

Каэль рассказал — про первую, внезапную, на тропе после палатки. Про вторую, на пятидесятом шаге. Про третью, раньше, когда она тащила его назад но не успела.

Эвери записывала быстро, иногда переспрашивала детали — где именно болело, как быстро темнело в глазах, что он чувствовал перед этим.

— Значит вывод, — сказала она, дописав, — высокая концентрация остаточной маны для тебя смертельна. Зоны вроде Шепчущих Холмов — избегать, или проверять заранее как мы сделали на обратном пути.

— Логично, — сказал он.

— И ещё, — она постучала пером по странице. — Закон свидетеля. Я знаю про твои циклы уже не первый день. Ничего со мной не случилось.

— Не случилось, — подтвердил он.

— Значит либо со мной что-то не так, как мы и думали, либо закон работает иначе чем ты предполагал. Это стоит проверить — рассказать кому-то ещё, посмотреть что будет.

Каэль почувствовал неприятный холодок при этой мысли.

— Не сейчас, — сказал он. — Если я ошибаюсь и кто-то может умереть — я не хочу узнавать это случайно.

— Согласна, — она закрыла книжку. — Завтра подумаем как проверить аккуратно. Не на случайном человеке.

— Договорились.

Она потянулась, зевнула. — Ладно. Я сплю. День был длинный, и я как ты сказал дважды видела как ты умираешь, так что мне причитается нормальный сон.

— Справедливо.

Они разошлись по своим комнатам. Каэль лежал в темноте, слушал тишину дома, думал про холмы и про закон свидетеля и про то как близко сегодня были к тому чтобы потерять друг друга в третий раз за день.

Через пару часов дверь тихо скрипнула.

Он не спал — просто лежал с закрытыми глазами — и услышал шаги, лёгкие, нерешительные, не похожие на её обычную уверенную походку.

Одеяло приподнялось.

— Эвери?

— Молчи, — сказала она тихо, забираясь под одеяло рядом с ним. — Просто молчи.

Она обхватила его рукой, прижалась, уткнулась лицом куда-то в плечо.

Каэль лежал не двигаясь секунду, потом осторожно положил руку ей на спину.

— Что случилось?

— Ничего, — сказала она в его плечо. — Просто. Сегодня можно сказать, я два раза держала тебя мёртвого на руках. Даже представлять страшно как бы я реагировала...

Он молчал.

— Мне так лучше спится, — сказала она тише, почти неслышно. — Если ты рядом. Если я чувствую что дышишь.

Он крепче обнял её, не зная что сказать — и решил снова не пытаться придумывать умные слова.

— Я здесь, — сказал он просто.

— Знаю, — она закрыла глаза. — Просто хочу убедиться ещё немного.

Они лежали так в темноте, и за окном город спал, и холмы где-то далеко продолжали тихо шептать, и впервые за очень долгое время Каэль чувствовал что-то похожее на покой.

Глава 3 - Насколько опасен закон свидетеля?

Каэль проснулся от запаха.

Не сразу понял что именно — просто что-то тёплое, сладкое, с корицей или чем-то похожим, и это так не вязалось с его обычным пробуждением на холодной площади что он несколько секунд просто лежал и дышал, не открывая глаз.

Потом вспомнил где он. И почему тепло.

Эвери ушла на кухню пока он спал — одеяло с её стороны было аккуратно подоткнуто, как будто она старалась не разбудить.

Он встал, умылся, спустился вниз.

Кухня была маленькой и сейчас казалась ещё меньше — от духовки шёл жар, на столе стояли две кружки, и Эвери стояла спиной к нему, что-то перекладывала с противня.

— Ты что, печёшь? — сказал он.

— Наблюдательно.

— Ты умеешь печь? — удивился Каэль.

— Каэль, я умею много чего. Садись.

Он сел. На стол перед ним легла тарелка с пирожками — небольшими, румяными, с поджаристой корочкой. Он взял один, откусил, и несколько секунд просто молчал.

— Ммм как вкусно — сказал он прижмуриваясь.

— Знаю, — она усмехнулась и села напротив с кружкой. — Ешь.

Чай был ароматный — что-то с травами, чуть сладкий, совсем не похожий на то горькое что она поила его во время болезни.

— Ого а этот чай совсем другой, — заметил он.

— Тот был лечебный. Этот просто вкусный. Разница есть.

Они сидели, пили чай, и за окном просыпался город — скрип колёс, чьи-то голоса, далёкий звон колокола.

— Как ты вообще научилась печь, — спросил он. — С твоей то работой.

— Мать научила, — сказала она просто. — Говорила что женщина должна уметь накормить людей которые ей важны.

Пауза.

— Мудрая женщина, — улыбнувшись сказал Каэль.

— Была, — сказала Эвери, не меняя интонации, и взяла пирожок.

Он не стал уточнять. Просто кивнул.

За третьей кружкой чая они вернулись к делу.

— Закон свидетеля, — сказала Эвери, открывая дневник. — Нужен кто-то кому можно рассказать. Мы пока точно не знаем как будет работать закон свидетеля, в прошлый раз плохо стало тебе, но есть шанс что станет плохо тому кому расскажем... Что же делать? Нам нужен кто-то —

— Кто-то кого ты знаешь, — сказал Каэль. — Кто уже повидал жизнь.

— Именно. — Она побарабанила пальцами по столу. — Есть один человек. Старый знакомый. Он живёт в трущобах, у южной стены.

— Почему в трущобах?

Она помолчала секунду.

— Потому что у него тёмная мана, — сказала она. — Таких здесь не жалуют. Считают опасными, порченными — не важно что человек хороший, важно что от него тёмным тянет. Его из нормального квартала выжили года три назад.

Каэль посмотрел на неё.

— То есть их просто — не любят? За то что родились такими.

— Да, — сказала Эвери. — Глупо. Но да.

— Понятно, — он помолчал. — И ты с ним дружишь.

— Он меня многому научил, — она закрыла дневник. — Надёжный. Если кто и может выдержать негативные эффекты темных сил — то он.

Каэль кивнул.

— Идём?

— Идём. — Она встала, убрала кружки. — Только оденься потеплее. Там другой город, считай.

ТРУЩОБЫ. ЮЖНАЯ СТЕНА.

Граница между кварталами была почти физической.

Сначала просто становилось меньше людей на улицах, потом здания начинали меняться — штукатурка облезала, окна уменьшались, между домами появлялись верёвки с бельём натянутые так низко что приходилось пригибаться. Запах менялся тоже — меньше специй и хлеба, больше дыма и сырости.

Люди здесь смотрели иначе. Не враждебно — просто внимательно, оценивающе, как смотрят те кто привык что чужие приходят редко и не всегда с добром.

Эвери шла уверенно, не озираясь — видно было что бывала здесь не раз. Каэль держался рядом и молчал.

— Не смотри слишком пристально, — сказала она тихо. — Здесь это невежливо.

— Понял.

Они свернули в узкий проход между двумя домами, потом ещё раз — и оказались в небольшом дворике, почти уютном по сравнению с улицей. В углу росло дерево, кривое, с тёмной корой, и под ним стояла скамейка.

У двери крайнего дома висела потёртая табличка — просто символ, не слова.

— Пришли, — сказала Эвери. И постучала. Три раза, пауза, ещё два.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти — невысокий, плотный, с тёмными прожилками на коже вдоль шеи и рук, едва заметными, как будто под кожей проходили тонкие чёрные нити. Волосы с сединой, взгляд спокойный и внимательный.

Увидел Эвери — и улыбнулся. По-настоящему, без церемоний.

— Давно не заходила, — сказал он. Голос низкий, чуть хриловатый. Потом посмотрел на Каэля. — Да еще и с гостем.

— Тессилиус, это Каэль. Каэль — Тессилиус. Можно войти?

— Всегда можно Эви. — Вымолвил он, с теплой улыбкой.

Внутри было неожиданно уютно.

Каэль ожидал чего угодно — мрачного, тёмного, соответствующего репутации тёмной маны — но комната была светлой, с низким потолком и множеством мелочей которые накапливаются только когда живут долго и по-настоящему. Стопки книг по углам. Пучки сушёных трав над окном. Потёртый ковёр у печи.

И фотографии.

Каэль остановился у стены.

Их было много — разного размера, в рамках и просто приколотые. Тессилиус с детьми, смеющимися у той самой скамейки под кривым деревом. Тессилиус с пожилой женщиной у рыночного прилавка. Групповые, где лица незнакомые но выражения одинаковые — не позирующие, просто живые.

И между фотографиями — газетные вырезки. Каэль прочитал одну краем глаза: *разыскивается носитель тёмной маны, особые приметы* —

— Коллекционирую, — сказал Тессилиус за его спиной, без горечи. — Чтобы не забывать.

— Чего не забывать?

— Что люди боятся не меня, — он прошёл к печи, поставил чайник. — А того чего не понимают. Это легче помнить когда видишь их лица на фотографиях.

Каэль посмотрел на него.

— Немного не понимаю — сказал Каэль в небольшой растерянности.

— Старческий бред, ха-ха-ха — ответил Тессилиус. — Садитесь.

Они сидели втроем за небольшим столом, пили чай — другой, терпкий, совсем не похожий на утренний — и разговаривали ни о чём. Тессилиус спрашивал про гильдию, про задания, про жизнь в целом — Эвери отвечала коротко, он кивал, не торопил.

Потом Эвери поставила кружку на стол.

— Тессилиус, — сказала она. — Мы пришли по делу.

— Я понял, — сказал он. — Когда ты приходишь просто так — не берёшь с собой незнакомцев.

— Нам нужно рассказать тебе кое-что о Каэле, — она помолчала. — Но прежде чем начать. Ты точно готов услышать?

Старик посмотрел на неё, потом на Каэля.

— Это опасно?

— Не знаем, — сказала Эвери честно. — В прошлый раз когда он рассказал кому-то — тому человеку стало плохо. Физически.

— Мне стало плохо, — поправил Каэль. — Не тому кому рассказывал.

— Это важное уточнение, — заметил Тессилиус.

— Очень, — согласилась Эвери. — Но всё равно. Ты точно готов?

Тессилиус посмотрел на вырезки на стене. Потом на фотографии. Потом на них двоих.

— Эвери, — сказал он спокойно. — Я тридцать лет живу с тёмной маной в городе где за это выгоняют из домов. Я читал о себе в газетах как об опасном существе. — Он взял кружку. — Рассказывай.

Эвери посмотрела на Каэля.

Каэль приготовился рассказать.

Тессилиус поставил кружку и посмотрел на Каэля.

— Прежде чем ты начнёшь, — сказал он. — Я хочу сказать кое-что.

— Слушаю.

— Тёмная мана даёт кое-что кроме неприятностей, — он положил руки на стол, прожилки на коже казались темнее в свете из окна. — Она скажем так, словно шестое чувство. Не точно, не как пророчество — просто ощущение. Как запах грозы до дождя.

— И сейчас?

— Сейчас пахнет, — сказал он спокойно. — Сильно. — Он посмотрел на фотографии на стене, потом обратно на Каэля. — Но знаешь что. Я живу в этих трущобах три года. До этого я жил — в квартале откуда меня выгнали. А еще раньше — в городе который сжёг мой дом потому что испугался. — Он чуть пожал плечами. — Если меня не станет — это в какой-то степени будет проще. Для всех.

Эвери открыла рот.

— Тессилиус —

— Не спорь, — он поднял руку. — Я не жалею. Просто говорю что не боюсь. Рассказывай, парень.

Каэль рассказывал ровно — с начала, с ресторана и площади, через циклы, через смерти, через агтестатора и дырки в душе. Тессилиус слушал не перебивая, только иногда прикрывал глаза как будто проверял что-то внутри себя.

Когда Каэль замолчал — тишина растянулась.

Тессилиус сидел живой. Его не тошнило, да и с Каэлем все было в порядке.

— Ничего, — сказала Эвери тихо.

— Ничего, — подтвердил Тессилиус. Он выдохнул — медленно, и в этом выдохе было что-то похожее на удивление. — Первый раз за долгое время ждал чего-то и не дождался.

Они просидели ещё немного — разговаривали о мане, о природе проклятий, о том что сингулярность это аномалия которую никто толком не изучал. Эвери делала записи в дневник, Тессилиус подсказывал термины.

Потом они стали собираться.

Каэль надевал куртку когда Тессилиус сказал:

— Подождите.

Голос был странный.

Они обернулись.

Он сидел за столом и смотрел на свою руку.

Правая рука — от кончиков пальцев вверх по запястью — расходилась синеватой пылью. Не рассыпалась, не таяла — именно расщеплялась, медленно, как будто между частицами кожи появлялось пространство которого раньше не было.

— А, — сказал Тессилиус тихо. — Вот значит как.

— Нет, — Эвери шагнула к нему. — Нет, мы можем —

— Что? — он посмотрел на неё спокойно. — Что вы можете?

Она замолчала.

На стене за его спиной фотографии начали светиться — слабо, едва заметно, голубоватым. Те где была видна его рука светились сильнее. Каэль смотрел и видел как на одной фотографии, групповой где Тессилиус стоял в центре, его фигура начинает терять чёткость — не исчезает, просто становится менее настоящей.

— Кажется история, и память, — сказал Тессилиус, глядя на свои пальцы которых становилось всё меньше. — Обо мне. Стирается... Уходите.

Он поднял взгляд на Каэля.

— Меня забудут.

— Я не забуду, — сказал Каэль. Тихо, но твёрдо.

— Возможно, — Тессилиус кивнул. — Ты единственный кто не забудет. Это странный дар, парень. Твой потенциал в плане контроля маны огромен, найди ты способ сдерживать ману внутри, стал бы вторым Святым...

Он встал — медленно, расщепление поднималось уже до локтя — и прошёл к своему креслу у печи. Сел. Положил руки на подлокотники.

Посмотрел на фотографии.

— Хорошая жизнь была, — сказал он негромко. — Несмотря ни на что.

Эвери села рядом на пол, прямо так, не ища стула. Взяла его вторую руку — ту что ещё была целой — и держала.

Тессилиус посмотрел на неё и улыбнулся.

— Ты всегда была хорошим человеком, — сказал он.

Она не ответила. Просто держала.

Каэль стоял у стены и смотрел и не мог сделать ничего — только запоминать. Его лицо. Кресло. Фотографии которые тускнели одна за другой.

Расщепление дошло до плеча. Потом до шеи.

Потом Тессилиус закрыл глаза.

И его не стало — не резко, не со звуком, просто в какой-то момент кресло было пустым и Эвери сидела на полу одна, и её рука лежала на подлокотнике где только что была его рука.

Тишина.

Эвери сидела так долго. Каэль не торопил.

Потом она встала. Медленно. Посмотрела на стену.

Фотографии были все на месте — люди, улицы, тот же дворик со скамейкой. Только на каждой было что-то не так. Пустые места где кто-то стоял. Группа людей где в центре никого нет. Рука без тела рядом с чужим плечом — и эта рука тоже таяла.

Газетная вырезка на стене была чистой. Просто бумага.

Эвери обернулась к Каэлю.

— Что мы здесь делаем? — спросила она. Голос ровный, искренний. Она действительно не понимала.

Каэль смотрел на пустое кресло.

— Пришли в гости, — сказал он тихо. — К твоему старому знакомому.

Она нахмурилась.

— У меня нет знакомых в трущобах.

Он не ответил.

Она посмотрела на фотографии — пустые места на них её не смутили, она просто не видела что там было раньше.

— Странный дом, — сказала она. — Зачем мы сюда пришли?

— Уже не важно, — сказал Каэль. — Идём.

Он взял её за руку и повёл к двери. Обернулся на секунду — пустое кресло у печи, тёплые угли, стена с фотографиями.

— Хорошая жизнь была, — сказал он тихо. Себе. Только себе.

И закрыл дверь.

Они шли молча. Эвери думала о чём-то своём — он видел по её лицу, сосредоточенному, немного далёкому.

Каэль думал про Тессилиуса.

Почему он.

В прошлый раз — когда он рассказал Эвери — плохо стало ему самому. Кровь, потеря сознания, несколько дней в постели. Эвери осталась целой, живой, и более того — помнила всё.

Тессилиус просто исчез. Без боли для Каэля, без следа в реальности.

Почему разница.

Он шёл и перебирал детали. Эвери узнала первой — и ничего. Тессилиус узнал вторым — и исчез полностью. Значит дело не в порядке. Тогда в чём?

Эвери. Кто же она — почему я так к ней привязан? Может она мой якорь? Как у корабля — он чувствовал это интуитивно, ещё не зная ничего. Она всегда здесь, всегда одна и та же. Закон на неё не распространяется потому что она что? Ха-ха-ха ну и бред — посмеялся про себя Каэль. — Хотя что-то в этом есть...

Тессилиус был обычным человеком. Со связью с тёмной маной — с предчувствием, с пониманием рисков — но обычным.

Значит закон работает на всех кроме неё.

Каэль посмотрел на Эвери которая шла рядом и ничего не помнила о человеке с которым только что сидела на полу и держала за руку.

Это было страшнее любой его смерти.

Дома Эвери сразу пошла на кухню — загремела посудой, что-то напевала.

— Ужин через полчаса, — крикнула она.

— Хорошо, — отозвался он.

Он сел за стол и открыл её дневник.

Страницы которые Эвери заполняла при Тессилиусе были пустыми — не вырванными, просто чистыми, как будто она никогда ничего там не писала. Между записью про закон свидетеля и следующей страницей — просто белое пространство.

Каэль достал перо.

И начал писать про Тессилиуса — быстро, подробно, пока помнил каждую деталь. Имя. Адрес в трущобах. Прожилки тёмной маны на коже. Фотографии на стене. Кресло у печи. Его последние слова.

Хорошая жизнь была.

Он писал долго. Заполнил три страницы — факты, детали, выводы. Отдельно вывел крупно:

Закон свидетеля не действует на Эвери. Действует на всех остальных. Причина неизвестна.

Тессилиус знал о риске. Принял его. Исчез спокойно.

Я единственный кто его помнит. Он закрыл дневник когда она позвала ужинать.

Еда была простой и горячей. Эвери ела с аппетитом, рассказывала про какое-то задание которое видела на доске в гильдии — интересное, говорила, надо взять на следующей неделе.

Каэль слушал, ел, и когда она сделала паузу — положил дневник на стол между ними.

— Мне нужно тебе кое-что рассказать, — сказал он. — Про сегодня.

Она открыла дневник. Начала читать.

Каэль наблюдал за её лицом.

Сначала — обычное внимательное выражение, она просто читала. Потом что-то изменилось — она чуть сморщилась, рука непроизвольно сжала страницу, глаза остановились на середине абзаца.

— Эвери?

— Подожди, — сказала она тихо.

Она сидела неподвижно, и Каэль видел как что-то происходит — не снаружи, внутри, за её глазами. Как будто кто-то в темноте зажигал спички одну за другой — каждая гасла почти сразу, но на секунду что-то освещала.

Она дочитала. Подняла взгляд.

— Я помню, — сказала она медленно, с недоумением. — Что-то помню. Но это... странно.

— Что именно?

— Рожь, — она нахмурилась. — Мы с кем-то собирали рожь. Лет десять назад, наверное. Жаркий день, у меня была шляпа с широкими полями и я её потеряла. — Она замолчала. — И ещё — запах. Чай с чем-то горьким. И чьи-то руки, немолодые, с тёмными прожилками.

Каэль не дышал.

— Но я не знаю кто это, — она покачала головой. — Я вижу моменты, детали — но лица нет. Человека нет. Как будто кто-то вырезал его из воспоминания и оставил всё вокруг.

Она посмотрела на дневник.

— Ты написал что его звали Тессилиус. Это слово мне ничего не говорит. Совсем. Но рожь — помню. Шляпу — помню.

Каэль медленно положил вилку на стол.

Это было невозможно. По всем правилам которые он уже успел понять — она не должна была помнить ничего. Закон работал абсолютно, он видел это собственными глазами — пустые фотографии, чистые страницы, её искренний вопрос *что мы здесь делаем*.

Но она помнила.

Он смотрел на неё долго. Потом спросил — тихо, почти осторожно:

— Эвери. Как ты думаешь — почему меня к тебе так тянет?

Она подняла взгляд.

— В смысле?

— Я попал в этот мир, — сказал он. — Незнакомый город, знакомые люди. И каждый раз — ты. Где ты, там я. Всегда. Это не случайность.

Она молчала.

— Я правда этого не знаю, — сказала она наконец. Без защиты, без иронии — просто честно. — Не знаю почему ты всегда рядом. Не знаю откуда эти обрывки в голове. — Она посмотрела на свои руки. — Иногда мне кажется что я что-то должна вспомнить. Важное. Но каждый раз когда пытаюсь — пусто.

— Как будто вырезали, — сказал он тихо.

Она подняла на него взгляд.

— Да, — сказала она. — Именно так.

Они сидели друг напротив друга в тишине кухни, и Каэль думал что рожь это начало. Что если она начала вспоминать обрывки того что должно было исчезнуть полностью — значит что-то в ней сильнее закона.

Он не сказал этого вслух.

Просто убрал дневник и налил ей ещё чаю.

— Завтра поговорим, — сказал он.

Она кивнула. Взяла кружку. И долго смотрела в неё, как будто там внутри было что-то что она почти могла разглядеть.

Они поднялись в комнату не сговариваясь.

Легли — каждый на своей стороне, как уже привыкли — и в темноте просто смотрели друг на друга. Не говорили. После всего что было сегодня слова казались лишними.

За окном шумел дождь — тихий, ровный, начавшийся пока они ужинали.

Каэль смотрел на её лицо в полутьме и думал про рожь которую она помнила. Про руки с прожилками. Про то как она сидела на полу и держала его до конца.

Она смотрела на него — и он не мог прочесть что именно в её взгляде, просто что-то тёплое и очень серьёзное одновременно.

Потом она потянулась к нему. Каэль и опомнится не успел как оказался в её объятиях. Она нежно поцеловала его, а после отвернулась — Всё Каэль, спать пора! — выкрикнула она смущенно.

УТРО

Запах яиц и чего-то поджаренного добрался до него раньше чем он открыл глаза.

Каэль лежал секунду, улыбаясь в потолок — просто так, без причины.

Потом спустился вниз.

Эвери стояла у плиты спиной к нему, плечи чуть напряжены — он заметил сразу.

— Доброе утро, — сказал он.

— Садись, — ответила она. Коротко. Не оборачиваясь.

Он сел. Она поставила перед ним тарелку — аккуратно, не глядя на него — и села напротив со своей.

Тишина.

Каэль взял вилку.

— Эвери —

— Не надо, — сказала она. Посмотрела наконец — прямо, с тем выражением которое означало что она уже всё решила внутри и обсуждению это не подлежит. — Вчера было на эмоциях. После всего что случилось. Не поднимай эту тему.

Он смотрел на неё секунду.

Потом усмехнулся — тихо, почти про себя — и снова взялся за вилку.

— Договорились.

Она прищурилась.

— Что смешного.

— Ничего, — сказал он невозмутимо. — Ем.

Она смотрела на него ещё момент подозрительно, потом тоже взялась за вилку.

Они ели молча. За окном было пасмурно после вчерашнего дождя, улица блестела мокрой мостовой.

— После завтрака идём в гильдию, — сказала она. — Там есть одно задание. Я вчера краем глаза видела на доске — интересное.

— Какое?

— Узнаешь когда придём, — она встала убирать тарелки. — Доедай.

Каэль смотрел на её спину и думал что она так и не сказала *это больше не повторится* — просто *не поднимай тему*. Это были очень разные вещи.

Он не сказал этого вслух.

Просто доел.

Глава 4 - Почему здесь такие жуткие монстры? / Проклятие оказалось ошибкой?!

ГИЛЬДИЯ. ДОСКА ЗАДАНИЙ.

Задание висело отдельно от остальных — не на общей доске, а на маленькой боковой, обитой красной тканью. Каэль сразу заметил что к ней никто не подходит.

Эвери подошла. Прочитала. Отошла.

— Вот это, — сказала она.

Он прочитал.

Разведка северного леса Кэрвал. Последние три отряда не вернулись. Нужна информация о природе угрозы. Оплата — тройная ставка. Живыми.

— Три отряда, — сказал он.

— Тройная ставка, — ответила она.

— Эвери.

— Каэль.

Он посмотрел на неё. Она смотрела на него — спокойно, уверенно, с тем выражением которое означало что она уже всё взвесила.

— Мы разведка, — сказала она. — Не зачистка. Дойти, посмотреть, и вернуться. Ничего сложного.

— Три отряда не вернулись! — вскрикнул Каэль

— Потому что лезли драться, — она пожала плечами. — Мы умнее.

Он помолчал секунду.

— Договорились, — сказал он.

ДОРОГА К КЭРВАЛУ. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Лес начинался постепенно — сначала редкие деревья вдоль тракта, потом они становились гуще, выше, темнее. К полудню солнце уже еле пробивалось сквозь кроны.

Они шли и разговаривали — о чем-то, например про то что Эвери однажды провела в лесу две недели из-за сломанного компаса.

— Как ты ориентировалась?

— По мху, — сказала она. — И по звёздам ночью.

— Мох не всегда растёт с северной стороны, — с видом знатока возразил Каэль.

— Знаю, — она усмехнулась. — Я поняла это на четвёртый день.

— И?

— И пошла на запад вместо севера. Но в итоге вышла к реке, а река привела к городу. — Она пожала плечами. — Не самый эффективный маршрут.

— Ну хоть не потерялась, — он усмехнулся

— Эй! Да я никогда не терялась! — она стукнула его по плечу.

Каэль шёл рядом и задумался "А что если бы мы не встретились, там, на площади..." Он уже так привык к Эвери, что бы он делал без нее?

ПЕРВАЯ НОЧЬ. ЛАГЕРЬ.

Костёр разожгли быстро. Эвери готовила — что-то простое на походном котелке, Каэль сидел рядом и слушал лес.

Лес был тихим. Не мёртвым — просто внимательным, как будто прислушивался в ответ.

— Замечаешь? — сказал он.

— Что?

— Птиц нет.

Эвери подняла голову. Прислушалась.

— С полудня, — сказала она. — Я заметила.

— И не сказала.

— Ну вообще я не думала что это так важно.

Он посмотрел на неё.

— Эвери. Говори когда замечаешь такое.

— Договорились, — она помешала в котелке. — Едим и спим по очереди. Три часа ты, три я.

Они ели молча, слушали тишину, и тишина слушала их.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Деревья стали другими.

Не сразу — постепенно, незаметно. Сначала просто крупнее, потом кора начала темнеть, потом стволы приобрели странный синеватый оттенок как будто внутри что-то светило очень слабо.

— Мана, — сказала Эвери тихо, не вынимая камня из кармана — он гудел сам, она почувствовала через ткань. — Здесь концентрация выше обычной.

Каэль шёл осторожно, прислушивался к себе. Лёгкое давление за глазами — не боль, просто присутствие. Терпимо.

— Пока нормально, — сказал он.

— Говори если изменится.

— Скажу, скажу.

К вечеру второго дня они вышли на небольшую поляну — трава здесь была приплюснута к земле широкими кругами, как от чего-то тяжёлого которое ходило по ней много раз.

Следы.

Большие. Раздвоенные как копыта — но с когтями по краям.

Эвери присела, провела пальцем по краю отпечатка.

— Свежие, — сказала она тихо. — Несколько часов.

Каэль смотрел на следы. Потом на лес вокруг поляны.

— Лагерь здесь лучше не разворачивать, — сказал он.

— Согласна.

ВТОРАЯ НОЧЬ.

Они нашли место между двумя огромными корнями — прикрытое с трёх сторон, с хорошим обзором на четвёртую. Костра не разжигали.

Каэль дежурил первым.

Лес молчал. Ни птиц, ни насекомых, ни ветра — абсолютная, ватная тишина которая давила на уши.

Потом пришёл запах.

Сначала едва заметный — гниль, сырость, что-то органическое и нехорошее. Каэль прикрыл нос рукой и разбудил Эвери одним касанием плеча.

Она проснулась мгновенно — без звука, рука сразу на ноже.

Он указал носом вперёд.

Она понюхала. Едва заметно поморщилась.

Они сидели неподвижно.

И тогда пришёл звук.

Сначала далёкий — низкий, вибрирующий рёв, не похожий на что либо знакомое Каэлю, что-то что не должно существовать. Потом второй голос подхватил, третий.

И под всем этим — цокот.

Ритмичный, тяжёлый, множественный. Как будто табун двигался через лес, но табун который рычал.

Эвери придвинулась к нему. Их плечи соприкоснулись.

Каэль смотрел в темноту между деревьями — и в темноте, далеко, появились огни. Не костры. Глаза. Парные, жёлтые, на высоте которая не подходила ни для волка ни для лошади.

Много глаз.

Рёв стал ближе.

Они вылетели из темноты без предупреждения.

Каэль успел увидеть только жёлтые глаза — близко, слишком близко — и прыгнул влево.

Темнота.

Палатка. Рёв.

Он бросился вправо ещё до того как они появились — инстинкт, память тела.

Что-то тяжёлое зацепило его по касательной. Кости хрустнули.

Темнота.

Палатка.

В этот раз он не двигался сам — схватил Эвери и швырнул в сторону, подальше от края поляны.

Она улетела в кусты.

Он не успел уйти. Успел лишь увидеть свое тело, что упало без головы.

Темнота.

Палатка.

— В кусты, — выдохнул он Эвери прежде чем она успела открыть рот. — Сейчас, быстро

—

Она уже двигалась — но один из существ зашёл сбоку, Каэль не видел его, не мог видеть в такой темноте —

Темнота.

Палатка.

Пятый раз.

Каэль стоял на коленях среди корней и дышал — быстро, рвано — и что-то внутри него начало ломаться. Не от страха. От усталости. От того что он знал что будет и не мог остановить, снова и снова и снова —

Эвери крикнула что-то за его спиной.

Эти твари были везде — он слышал их дыхание, их цокот, их рёв со всех сторон, и темнота вокруг была живой и двигалась —

Что-то щёлкнуло внутри него.

Не магия. Что-то глубже магии — там где были пробоины в душе, где мана утекала не задерживаясь — оттуда, из этих самых пустот, рванулось наружу всё сразу.

Он не контролировал это.

Просто — выдох. Один. Резкий.

Глухой хлопок прокатился по лесу — не взрыв, не гром, что-то между, что-то что почувствовалось скорее в груди чем в ушах. Ударная волна разошлась во все стороны, невидимая, плотная.

Ближайшего гривари швырнуло на дерево — он прошёл сквозь ветку насквозь и завис там, дёрнулся раз и затих. Второго разорвало в воздухе — просто разорвало, без звука, только что-то тёмное брызнуло на кору. Остальных раскидало по поляне — кто-то поднялся, кто-то нет, но все они отступили, в темноту, и цокот удалялся быстро.

Тишина.

Каэль стоял на коленях и смотрел на свои руки.

Они дрожали.

Эвери вышла из кустов — медленно, с ножом в руке, огляделась. Подошла к тому что висело на ветке.

Посмотрела.

— А, — сказала она. Спокойно, с лёгким удивлением. — Это же гривари.

Каэль поднял на неё взгляд.

— Странно что они здесь, — она повернулась к нему. — Обычно это не их место обитания. Они живут гораздо севернее, у болот.

— Эвери, — сказал он тихо.

— Что?

— Я только что — ты видела что я сделал?

Она посмотрела на него. Потом на поляну. Потом снова на него.

— Видела, — сказала она просто. — Это было твоей магией?

— Не знаю, — честно ответил он. — Я не контролировал.

Она убрала нож. Подошла, присела рядом на корни — посмотрела на его трясущиеся руки.

— Болит?

— Нет, — он подумал. — Пусто. Просто очень пусто внутри.

— Мана вышла вся разом, — сказала она. — Через дырки. Как прорвало плотину.

Он кивнул.

— Нам нужно уходить, — сказала она. — Они вернутся и приведут больше.

— Знаю.

Она встала, протянула ему руку.

Он взял.

Они шли быстро — не бежали, но темп держали высокий. Каэль двигался и одновременно листал дневник, пристроив его на сгибе локтя.

— Диктуй, — сказала Эвери. — Я запишу, ты смотри под ноги.

— Сам справлюсь.

— Ты пять раз умер за последние полчаса, дай дневник.

Он отдал.

Она шла рядом и писала не глядя — привычка, выработанная за годы заданий. Он диктовал коротко, по пунктам — первая смерть, влево, удар в грудь. Вторая, вправо, то же самое. Третья — откинул её, не успел. Четвёртая, пятая.

— Стоп, — сказала она.

— Что?

— Ты каждый раз пытался спасти меня сначала, — она не смотрела на него, продолжала писать. — В третий раз ты меня швырнул в кусты.

— Да.

— И умер из-за этого.

— Да.

Она замолчала на несколько шагов.

— Не делай так, — сказала она наконец.

— Эвери —

— Я слышала тебя, — она закрыла дневник и посмотрела на него. — Но не делай так. Ты умираешь — это не просто слова. Ты проживаешь это каждый раз. Это больно?

— Да.

— Тогда не делай так ради меня.

Он смотрел на неё.

— Ты серьёзно, — сказал он.

— Абсолютно.

— Эвери. Ты понимаешь что я возвращаюсь, да? Я не остаюсь там.

— Ты возвращаешься, — повторила она. — Но ты там был. Каждый раз — был. — Она передала ему дневник обратно. — Я не могу себе представить что ты умираешь. Ты — именно

ты — всегда находишь выход. Всегда. И вот ты говоришь мне что умирал пять раз подряд и я даже не видела этого, — она покачала головой. — Это странное ощущение.

— Какое?

Она подумала секунду.

— Как будто ты несёшь что-то очень тяжёлое, — сказала она медленно. — Один. И я рядом конечно, но ничего не вижу. Я не могу представить чтобы ты умер!

Он не ответил сразу.

— Теперь видишь, — сказал он наконец. — Дневник для этого.

Она кивнула. Помолчала.

— Расскажи про гриварей, — сказал он, меняя тему. — Откуда они вообще взялись здесь.

Она приняла смену темы без возражений.

— Обычно они живут на севере, у полу-пустынь, — сказала она. — Засушливые места, редкая растительность. Они падальщики по природе — нападают только на тех кто истощён или уже умирает. Здоровых людей в норме обходят стороной.

— Тогда почему напали на нас.

— Вот именно, — она нахмурилась. — Мы не истощены. Мы не умираем. По всем правилам они должны были уйти.

— Если только, — сказал Каэль медленно, — они почувствовали что-то другое.

Эвери посмотрела на него.

— Твои смерти, — сказала она тихо.

— Я умирал пять раз подряд на этой поляне, а до этого еще четыре — сказал он. — Для них — это запах смерти. Постоянный, повторяющийся. Может они и шли на него.

Она молчала секунду.

— Это значит, — сказала она медленно, — что пока ты умираешь рядом с любым падальщиком —

— Они будут идти на меня, да, — закончил он. — Полезное знание.

— Жуткое бррр, — Эвери вздрогнула.

— Это одно и то же.

Они шли дальше, и лес вокруг был тих — гривари не возвращались, пока что — и где-то впереди между деревьями начинало светлеть небо.

— Дальше или назад? — спросила она.

— Мы взяли задание на разведку, — сказал он. — Дальше.

Она кивнула и пошла первой.

Они вышли на небольшую прогалину — и остановились.

Кристалл стоял в центре, вросший в землю, высотой примерно по пояс. Багровый, глубокий, почти живой цвет — как будто внутри что-то пульсировало. Вокруг него трава была примята кругами — теми же следами что они видели на поляне, только здесь их было больше. Много больше.

— Вот значит почему, — сказал Каэль тихо.

Он шагнул ближе, присел, потянулся рукой —

— Не трогай, — сказала Эвери резко.

Он остановился.

Она стояла неподвижно и смотрела на кристалл с выражением которое он видел у неё редко — не страх, что-то между узнаванием и тревогой.

— Эвери?

— Это дьяволит, — сказала она тихо. — Я видела рисунок в старой книге. Один раз. Думала что они все уничтожены.

— И что нам это дает? В чем его смысл вообще?

— Излучение, — она не двигалась с места, говорила ровно как будто вспоминала текст. — Оно перестраивает животных поблизости. Любых. Самый безобидный кот начнёт охотиться на всех подряд. Гривари — падальщики по природе — под его воздействием становятся охотниками. Активными. Агрессивными.

— И значит что люди из тех трёх отрядов просто не понимали от чего погибают, — сказал Каэль.

— Именно. Они шли на разведку, на них нападали животные, они погибали. — Она наконец посмотрела на него. — Нейтрализовать дьяволит может только сингулярная мана. Уровень А или выше. Она единственная способна поглотить это излучение и запечатать его.

Пауза.

— Таких у нас в городе нет, — добавила она. — Ни одного аттестованного.

Каэль смотрел на кристалл.

— Кроме меня, — сказал он.

— Кроме тебя, — подтвердила она. — Но Каэль — твоя мана нестабильна. Пробоины в душе. Это может —

— Попробую, — сказал он.

Она смотрела на него секунду. Потом кивнула.

— Слушай меня внимательно, — она подошла, встала рядом, не вплотную к кристаллу. — Не пытайся разрушить его. Только поглотить излучение — снаружи, как будто накрываешь его чем-то. Представь что ты... обволакиваешь его. Закрываешь.

— Как одеяло, — сказал он.

— Примерно. Только изнутри наружу, из себя в него.

Он протянул руку. Остановился в паре сантиметров от поверхности.

Закрыв глаза.

Представил — внутри себя, там где была мана, через дырки, наружу — тихо, медленно, не взрывом как в прошлый раз, а осторожно. Как закрываешь окно в шторм — плотно, по краям.

Ничего.

— Ещё раз, — сказала Эвери спокойно.

Он попробовал иначе — не направлял, просто позволил. Отпустил контроль чуть больше чем было комфортно.

Кончики пальцев потеплели.

— Есть что-то, — сказал он.

— Не открывай глаза. Тяни дальше.

Он тянул — медленно, неловко, как тянут верёвку которую плохо держат руки. Что-то из него уходило в кристалл, и кристалл — он чувствовал даже не прикасаясь — начал меняться.

Он открыл глаза.

Багровое свечение стало тусклее. Не погасло — просто приглушилось, как лампа под абажуром.

Эвери смотрела на кристалл. Потом на него.

— Получилось, — сказала она. Тихо, почти удивлённо.

— Плохо получилось, — сказал он. — Только приглушил.

— Каэль, — она повернулась к нему, — ты вообще впервые в жизни осознанно использовал магию. С нестабильной душой. И ты называешь это плохо.

Он посмотрел на свои руки. Усталость была другой — не физической, а чуть глубже.

— Унести сможем? — спросил он.

— Если завернуть во что-то плотное, — она уже снимала куртку. — Моя куртка с усилением. Излучение хотя бы частично заблокирует пока несём.

— Ты замёрзнешь.

— Я в порядке. Держи.

Они завернули кристалл аккуратно, обмотали верёвкой. Каэль взял — тяжёлый, неудобный, но терпимо.

— В гильдии за это дадут отдельную награду, — сказала Эвери, забирая мешок с остальным снаряжением. — Дьяволит редкость. А нейтрализованный — тем более.

— Частично нейтрализованный.

— Всё равно редкость. — Она посмотрела на него. — Идём?

Он кивнул.

Они двинулись обратно, и лес вокруг был тише — гривари не появлялись, и Каэль думал что излучение ослабло достаточно чтобы их отпустить.

Или они просто поняли что добыча здесь опасная.

Оба варианта его устраивали.

К вечеру того же дня они уже были в городе.

ГИЛЬДИЯ. ВЕЧЕР.

Клерк за стойкой позвал кого-то в глубину здания — и через минуту вышел гильдмастер.

Каэль ожидал кого угодно. Вышел невысокий мужчина лет сорока, в простой одежде без украшений, с единственным жетоном на груди — тёмным, почти чёрным, с едва заметным внутренним свечением.

— Эвери, — сказал он. — Давно не видел тебя на красной доске.

— Случай подвернулся, — ответила она.

Он посмотрел на дьяволит который они выложили на стойку — завёрнутый, обмотанный, но свечение сквозь ткань всё равно просачивалось чуть багровым.

— Кто нейтрализовал?

— Он, — Эвери кивнула на Каэля.

Гильдмастер посмотрел на Каэля. Долго, внимательно — не оценивающе, скорее как смотрят когда видят что-то неожиданное.

— Ранг?

— Я пока еще без ранга в гильдии, — смущенно сказал Каэль.

— Аттестация?

— Сингулярность. Уровень А. Но аттестатор добавил что у меня есть некие "разломы" в душе...

Молчание.

Гильдмастер обернулся к клерку.

— Принеси золотой жетон, — сказал он. — И эктолитовый.

Клерк исчез за дверью. Гильдмастер снова посмотрел на Каэля.

— Нейтрализовать дьяволит с неприсвоенным рангом и разломами в душе, — сказал он ровно. — Это либо безрассудство либо что-то интересное.

— Скорее второе, — сказал Каэль.

— Посмотрим, — гильдмастер чуть кивнул.

Клерк вернулся с двумя жетонами на подносе.

Эктолитовый был красивым — глубокого сине-зелёного цвета, почти прозрачный у краёв, с тонкой гравировкой по периметру. Он лёг на стойку перед Эвери.

Она смотрела на него секунду не двигаясь.

— Эвери, — сказал гильдмастер. — Платиновый был заслужен. Это — тоже.

Она взяла жетон. Сжала в ладони.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Золотой лёг перед Каэлем. Тяжёлый, тёплый, с простым знаком гильдии в центре.

— Для начала достаточно, — сказал гильдмастер. — Растите.

И ушёл обратно — так же просто как появился.

— Разломы в душе? Хи-хи, ты серьезно? — с ехидной улыбкой спросила Эвери

— Ну, знаешь, всяко лучше каких-то там дырок, как сказал тот старикан! — раздраженно ответил Каэль.

— Да ладно тебе, пойдем на рынок! — засмеявшись Эвери стукнула его по плечу.

Деньги они несли в двух мешочках — по одному каждый, и оба были неприлично тяжёлыми.

— Что берём сначала? — спросил Каэль.

— Всё, — сказала Эвери.

Она шла по рынку бодро, в припрыжку и что-то напевая себе под нос. Каэль едва успевал. Чайный набор нашли у пожилого торговца в дальнем ряду — керамика, тёплого глиняного цвета, с простым орнаментом по краю. Эвери взяла в руки чайник, повертела, поставила обратно, снова взяла.

— Берём? — спросила она.

— Ты уже держишь его пять минут.

— Значит берём.

Посуду выбирали дольше — она была придирчивой, отставляла тарелки с малейшими сколами, проверяла дно, стучала по краям. Каэль стоял рядом и молчал, что было единственным правильным решением.

Стол нашли у столяра — небольшой, из тёмного дерева, с парой царапин которые Эвери объявила характером а не дефектом. Столяр обещал доставить к вечеру.

Постельное, шторы — плотные, тёплого охристого цвета — и ещё какие-то мелочи которые Эвери подбирала по пути, не объясняя зачем, просто клала в мешок.

— Это что? — спросил Каэль, глядя на небольшую деревянную птицу которую она вертела в руках.

— Красивая.

— Это нам вообще нужно?

— Это красивая покупка, — она положила птицу в мешок. — Не всё должно быть обязательно нужным!

Он не стал спорить.

Столяр доставил стол когда они ещё разбирали покупки — поставили у окна, Эвери сразу накрыла новой скатертью, отошла, посмотрела.

— Хорошо, — сказала она.

— Угу.

Шторы вешали вдвоём — Каэль держал, она крепила, командовала где выровнять, он выравнивал. Получилось не идеально с первого раза, со второго тоже, с третьего она была удовлетворена.

Посуду расставили на полках — Эвери знала куда что, Каэль подавал. Чайный набор занял отдельную полку, почётную.

Деревянная птица встала на подоконник.

К ночи дом выглядел иначе — теплее, плотнее, как будто стены чуть сдвинулись и стало уютнее. Эвери заварила чай в новом чайнике — первый раз, торжественно, без слов — и они сели за новый стол у окна.

За окном темнело. Город засыпал.

— Хорошо получилось, — сказал Каэль.

— Да, — согласилась она. Смотрела в кружку, потом на птицу на подоконнике, потом на него. — Каэль.

— Что.

— Золотой жетон, — она кивнула на его куртку где он лежал в кармане. — Ты понимаешь что это значит?

— Официально принят в гильдию.

— Это значит что тебе здесь есть место, — сказала она просто. — Официально.

Он смотрел на неё. Потом на птицу на подоконнике. Потом на новый стол под руками.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я первый раз с момента как оказался здесь не думаю о том чтобы вернуться домой.

Она не ответила. Просто смотрела на него через стол — тепло, серьёзно.

За окном шумел город. Чай остывал в новых кружках.

Прошло некоторое время, Каэль и Эвери пошли спать по своим комнатам, новое постельное было шелковым по ощущениям, можно было раствориться в кровати, что Каэль и сделал, он провалился в сон довольно быстро.

Он наблюдал за собой со стороны.

Это было странно — видеть собственную спину, собственные плечи, и знать что это он, но не чувствовать тела. Просто наблюдатель в темноте.

Гривари. Поляна. Он умирал — быстро, без звука — и падал.

Эвери бросалась к нему. Кричала его имя. Держала голову на коленях, раскачивалась, и в этом движении было что-то невыносимое — такое горе которое не уместается в теле.

Потом она поднимала голову.

И смотрела прямо на наблюдателя.

Улыбалась.

Не тепло. Не грустно. Широко, слишком широко, с углами рта которые шли чуть выше чем должны, и глаза при этом оставались пустыми — как два тёмных окна в нежилом доме.

Темнота. Сброс.

Снова поляна. Снова он падал. Снова она плакала — искренне, надрывно — и снова поднимала голову и смотрела на наблюдателя с той же улыбкой.

Ещё раз. Ещё.

Каждый раз горе было настоящим. Каждый раз улыбка тоже была настоящей. И непонятно было что из этого страшнее.

Потом комната.

Он смотрел на неё через что-то треснувшее — как через разбитое стекло, реальность по краям расходилась трещинами. Эвери сидела на стуле у окна, спиной к нему.

Он моргнул.

Она стояла прямо перед ним. Лицо в лицо. Он не видел как она переместилась.

— Эвери —

Она была у стены. Боком, неестественно — плечо вывернуто, голова наклонена под углом который не бывает у живых людей. Смотрела на него.

— Прости, — сказала она тихо.

Он шагнул к ней.

Она была на потолке. Четвереньки, лицо вниз, волосы свисали. Глаза не мигали.

— Прости меня.

Её выворачивало — медленно, как будто что-то изнутри меняло конфигурацию костей, и она не кричала, просто повторяла:

— Прости прости прости прости —

— Эвери, стоп, посмотри на меня —

— ПРОСТИ МЕНЯ КАЭЛЬ —

Потом кандалы.

Он увидел их не сразу — призрачные, едва видимые, из какого-то материала который был одновременно там и не там. Они охватывали её запястья, щиколотки, шею — тонкие цепи тянулись от неё куда-то в темноту.

Он проследил взглядом.

Цепи вели к нему.

Он держал их. Не намеренно — просто они были в его руках, намотаны на пальцы, и он не помнил как это случилось.

Эвери смотрела на него. Не с упреком, не со злостью — просто смотрела, и в её взгляде было что-то такое тихое и принимающее что было хуже любого обвинения.

— Прости, — сказала она. Уже тише. Уже почти неслышно.

Он пытался разжать руки — не мог. Пытался бросить цепи — они не отпускали.

И чем дольше он смотрел на неё тем меньше узнавал её лицо. Не потому что оно менялось — просто что-то в восприятии ломалось, черты переставали складываться в образ который он знал, и он понимал что смотрит на кого-то знакомого но не может вспомнить кто это.

— Эвери, — сказал он. — Эвери, как тебя зовут —

Она открыла рот.

Он проснулся.

Потолок. Темнота. Запах нового дерева от стола у окна.

Каэль лежал неподвижно и дышал — быстро, неровно — и руки сами собой проверяли простыню рядом с собой, искали что-то, кого-то.

Никаких цепей. Ладони пустые.

За стеной тихо — Эвери спала в своей комнате, он слышал ровное дыхание сквозь тонкую стену.

Живая. Здесь. Настоящая.

Он сел, обхватил колени руками, и долго смотрел на деревянную птицу на подоконнике — единственное что было видно в темноте, в слабом свете с улицы.

Потом встал, налил воды, выпил стоя у окна.

Город спал.

Он стоял и думал про цепи в своих руках — и про то что во сне он не мог их отпустить, и про то что не знал было ли это просто страхом или чем-то что он ещё не понял про себя и про неё.

Птица на подоконнике молчала.

Он лёг обратно. Закрыл глаза.

Долго не спал.

Каша дымилась в новых тарелках. За новым столом. В доме который вчера стал чуть теплее.

Каэль держал кружку и смотрел в неё.

— Мне приснился странный сон, — сказал он.

Эвери подняла взгляд.

Он рассказал — коротко, по порядку. Что было на поляне, её жуткая улыбка после его смерти. Комната с трещинами. Как её выворачивало и она просила прощения. Кандалы которые вели к нему.

Эвери слушала не перебивая. Когда он замолчал — она долго молчала тоже.

— Жутко, — сказала она, немного вздрогнув.

— Да.

— Но знаешь, — она покрутила кружку в руках. — Мне тоже снился сон. Про тебя.

— Какой?

Она чуть покраснела — едва заметно, но он заметил.

— Хороший, — сказала она. — Просто хороший. Не спрашивай детали.

Он смотрел на неё секунду.

— Хорошо — он улыбнулся.

— Правильно.

Они доели молча, но молчание было тёплым — то самое, без тяжести.

— Погуляем? — предложила Эвери, убирая тарелки. — Просто так, без заданий.

— С удовольствием, — сказал он.

Она надевала куртку когда Каэль почувствовал это — без предупреждения, без нарастания. Просто что-то ударило изнутри черепа, резко, как игла.

Он упал.

Не успел даже схватиться за стол — просто оказался на полу, и в голове было не темно а наоборот, слишком светло, слишком много всего сразу —

ЭТО МОЁ ТЕЛО.

Голос был его и не его одновременно — как эхо в пустой комнате, как запись поверх записи.

ТЫ И МОЁ ТЕЛО ЗАБРАЛ. НЕГОДНИК. ВЕРНИ. ВЕРНИ НЕМЕДЛЕННО.

— НЕТ, — закричал Каэль, не понимая сам на кого кричит. — НЕТ НЕТ НЕТ —

Он катался по полу и держался за голову и голоса давили изнутри — не слова даже, ощущения, чужие воспоминания которые лезли в щели и требовали места которого не было —

— ЭТО Я. Я САМ. Я ЗДЕСЬ —

— Каэль! — Эвери была рядом, на коленях, руки на его плечах. — Каэль смотри на меня

— Я ЗДЕСЬ, — повторил он — уже тише, уже почти себе. — Это я. Я сам.

Потом всё схлынуло.

Разом. Как волна которая отошла обратно.

Тишина.

Он лежал на полу и дышал. Эвери держала его за плечи и молчала — просто держала, крепко, как держат того кто может уплыть.

— Прошло, — сказал он.

— Вижу, — она не отпускала. — Что это было?

— Не знаю, — он сел медленно. — Голос. Мой голос но не я. Говорил что я забрал его тело.

Эвери смотрела на него — и вдруг её взгляд опустился ниже, на его шею.

— Каэль, — сказала она тихо. — Посмотри.

Он провёл рукой по шее.

Тепло. Что-то пульсировало под кожей.

— Что там?

— Мана, — она говорила медленно, осторожно. — Ярко-голубая. Струится прямо по коже. Я вижу её.

Он встал, подошёл к маленькому зеркалу у двери.

По шее вверх, тонкими ветвящимися линиями — действительно голубое, живое, медленно пульсирующее. Красиво и немного жутко одновременно.

— Разломы в душе, — сказал он. — Мана выходит наружу.

— Или что-то другое пытается выйти, — сказала Эвери тихо.

Они помолчали.

— Нам нужен кто-то кто может заглянуть внутрь, — сказал он. — В сознание. В душу. Кто-то кто поймёт что там происходит.

— Оракул, — сказала она. — Или что-то вроде. — Она уже надевала куртку. — Идём на доску объявлений. Иногда там вешают объявления о приезжих специалистах. Маги сознания, толкователи снов, провидцы.

— И если никого нет?

— Будем искать, — она открыла дверь. — Каэль.

— Что.

Она смотрела на его шею — голубые линии всё ещё светились слабо.

— Это красиво, — сказала она. — Пугающе, но красиво.

Он посмотрел в зеркало последний раз.

— Пойдём, — сказал он.

Объявление висело в нижнем углу доски — небольшое, аккуратный мелкий почерк на плотной бумаге:

Мастер Ориэн. Толкователь сознания, картограф душ. Принимает по записи. Южная улица, дом с синей дверью.

— Картограф душ, — прочитал Каэль.

— Идём, — сказала Эвери.

Синяя дверь была именно такой — яркой, почти вызывающей на фоне серых соседних домов. Открыл мужчина неопределённого возраста — лицо гладкое, глаза старые, с тем выражением которое бывает у людей привыкших смотреть глубже поверхности.

Он посмотрел на Каэля. На голубые линии на шее. И ничего не сказал — просто посторонился.

— Заходите.

Внутри было просто — никакого мистического антуража. Стол, кресла, полки с книгами и склянками. На полу большой круг из металлических нитей вплавленных прямо в дерево.

— Садитесь, — он кивнул на кресла. — Расскажите зачем пришли.

Эвери уже открыла дневник.

— У него сегодня утром случился приступ, — сказала она. — В голову ворвался чужой голос. Его голос — но не он. Говорил что у него забрали тело.

Ориэн смотрел на Каэля.

— Как давно появились разломы?

Каэль чуть напрягся.

— Разломы?

— На шее видно, — он кивнул. — Мана выходит наружу через разломы в душе. Это не норма. Это значит что что-то внутри нарушено — давно или недавно.

— Недавно, — сказал Каэль осторожно.

— Что случилось?

Каэль и Эвери переглянулись.

— Сложно объяснить, — сказал он. — Что-то связанное с маной. С сингулярностью.

Ориэн смотрел на него секунду — внимательно, не торопя.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Не можете объяснить словами — объясню я после того как посмотрю изнутри. Для этого вы здесь.

Эвери снова подняла голову от дневника.

— Как именно вы смотрите изнутри?

— Картографирую, — он встал, начал доставать что-то с полки. — Сознание человека как территория. У каждого своя карта. Я захожу, смотрю, выхожу, рассказываю что видел.

— А если там что-то опасное?

— Для меня — нет. Моя духовная энергия достаточно сильна чтобы войти и выйти из любого сознания без последствий для себя. — Он поставил на стол флакон и прозрачный кристалл. — Для него — зависит от того что внутри.

— Больно будет? — спросил Каэль.

— Иногда люди плачут. Иногда смеются. Иногда просто сидят тихо, — ответил Ориэн честно. — Я не знаю заранее. У каждой карты своя погода.

Эвери снова подняла руку.

— Если ему станет плохо — что я должна делать?

— Говорить с ним, — сказал Ориэн. — Просто говорить. Голос человека которому доверяют — лучший якорь.

Каэль посмотрел на Эвери. Она встретила его взгляд.

— Я здесь, — сказала она.

Ориэн попросил Каэля снять куртку и сесть в центр круга — прямо, ноги скрещены, руки на коленях.

— Нити усиливают проводимость, — объяснил он. — Помогают мне войти точнее и выйти чище.

— А выйти — как именно? — спросила Эвери от своего кресла.

Ориэн чуть улыбнулся.

— Это ваш первый вопрос про выход. Значит будут ещё.

— Будут, — подтвердила она без смущения.

Он открыл флакон — запах странный, между хвоей и чем-то металлическим — и нанёс несколько капель на виски Каэля, на запястья, на основание шеи прямо туда где светились голубые линии.

— Это расслабляет границы сознания, — сказал он. — Делает вход мягче. Не для вас — для меня.

— Я почувствую что вы внутри? — спросил Каэль.

— Возможно. Как присутствие. Не бойтесь его.

Он поставил прозрачный кристалл между собой и Каэлем. Сел напротив, положил руки на колени.

— Последнее, — сказал он. — Что бы вы ни увидели внутри — не пытайтесь остановить. Только наблюдайте. Дышите ровно. Смотрите на кристалл.

Каэль смотрел на кристалл.

Голубые линии на шее начали светиться ярче — медленно, ровно, как будто что-то внутри почувствовало что сейчас к нему придут.

Ориэн закрыл глаза.

И начал.

Ориэн ожидал многого.

За годы практики он видел разное — сознания тёмные как колодцы, светлые как открытые поля, запутанные как лабиринты без выхода. Он входил в них спокойно, профессионально, как картограф который видел уже все типы местности.

Он не ожидал этого.

Территория была огромной — не в смысле размера, в смысле глубины. Как будто он смотрел вниз в пропасть которая не имела дна, и одновременно вверх в небо которое не имело края. Звёздное, тёмное, живое небо — и каждая звезда была воспоминанием, он чувствовал это, тысячи и тысячи воспоминаний разбросанных по пространству которое не должно было уместаться в одном человеке.

Он стоял и смотрел и первый раз за долгие годы не знал с чего начать карту.

Потом что-то изменилось.

В центре этого звёздного пространства — там где должна была быть душа, её ядро — было что-то другое. Тёмное, плотное, без чётких очертаний. Оно не двигалось. Просто было — огромное, спокойное, старое.

Ориэн смотрел на него.

Оно смотрело в ответ.

— Не думал, — произнесло оно, — что у нашего страдальца будут гости.

И засмеялось.

Смех прокатился по всему пространству — глубокий, объёмный, без источника, ото всюду сразу. Звёзды-воспоминания задрожали, пространство вокруг Ориэна начало вибриро-

вать, и он инстинктивно усилил собственную духовную энергию — щит, невидимый, привычный — прежде чем успел подумать об этом.

Снаружи — в комнате с синей дверью — Каэль резко сжал кулаки.

Эвери подалась вперёд.

— Каэль?

Он не ответил. Сидел прямо, глаза открыты и смотрят в кристалл, но взгляд был далёким — там, внутри — и костяшки пальцев побелели.

Она не трогала его. Просто говорила тихо:

— Я здесь. Слышишь меня? Я рядом.

— Кто ты, — сказал Ориэн сущности. Ровно. Профессионально.

— Любопытный вопрос от гостя, — сущность перемещалась — не двигалась, просто оказывалась то ближе то дальше, без логики. — Скажем так. Я тот кто привёл его сюда.

— Привёл?

— Призвал, — поправила она с интонацией которая могла быть иронией. — Из другого места. Другого мира, если угодно.

Ориэн молчал секунду.

— Зачем?

— Мне нужен был сосуд, — сказала сущность просто. — Его духовная энергия чувствовалась сквозь измерения. Редкость. Сингулярность — она не часто рождается даже здесь, а там — она сделала паузу, — там она и вовсе не должна существовать. Но она была. Я почувствовала.

— И ты взяла его.

— Я попыталась, — в голосе что-то изменилось — не сожаление, но что-то близкое к нему. — Человек с такой энергией в этом мире мог разрушить энергетическое пространство. Слишком большая разница между мирами. Нужен был якорь — точка которая удержит его энергию в равновесии с этим миром, не даст ей разойтись волнами.

— И ты создала якорь.

— Создала, — подтвердила сущность. — Но.

Она помолчала.

— Разница между мирами оказалась больше чем я рассчитала, — сказала она наконец. — Энергии столкнулись в момент перехода. Вышла ошибка.

— Какая ошибка?

Темнота в центре пространства пульсировала медленно.

— Он должен был просто прийти, — сказала сущность тихо. — Остаться. Жить. Вместо этого — каждый раз когда он умирает, его не отпускают. Тянут обратно. Снова и снова.

Ориэн стоял в звёздном пространстве чужого сознания и смотрел на тёмную сущность в его центре.

— Проклятие возвращения, — сказал он.

— Ошибка, — поправила сущность. — Я называю это ошибкой.

Пространство вокруг них было тихим. Тысячи звёзд-воспоминаний светились над ними — и Ориэн смотрел на них и понимал что каждая это отдельная смерть, отдельное возвращение, и их было — много. Слишком много для одного человека.

— Он знает? — спросил Ориэн.

— О причине? — сущность засмеялась снова, тихо. — Нет. Он знает что умирает и возвращается. Не знает почему.

— А якорь?

Долгая пауза.

— Якорь работает, — сказала сущность. — Это единственное что вышло правильно.

— Якорь, — повторил Ориэн. — Расскажи подробнее.

Сущность медленно переместилась — стала ближе, без движения, просто оказалась рядом.

— Девочка, — сказала она. — Та что сидит сейчас снаружи и записывает всё в свою книжечку.

Ориэн молчал.

— Не человек, — продолжила сущность. — Не дух. Не бог. Просто — проекция. Моя проекция. Я создала её как точку равновесия, как нить которая удерживает его энергию от разрушения этого мира. Она всегда рядом с ним. Только с ним. В каждой реальности есть свои версии людей — сосед, торговец, случайный прохожий — у каждого есть своя альтернативная копия. У неё нет. Она одна. Всегда одна и та же. Всегда только рядом с ним.

— Она знает об этом?

— Нет, — в голосе сущности было что-то похожее на усмешку. — Она искренне считает себя обычным человеком. Это трогательно, если подумать.

— А он?

— Догадывается, — сказала сущность. — Ещё не знает как назвать. Но чувствует.

Ориэн смотрел в темноту.

— Каждый раз когда он умирает, — сказал он медленно, — он занимает место своей альтернативной версии в новой реальности.

— Верно, — подтвердила сущность. — Его прошлое создаётся заново. Мир принимает его как своего. Только он сам знает что пришёл извне.

— Значит есть реальности где он никогда не умирал, — сказал Ориэн. — Где проклятия не было.

Долгая пауза.

— Есть одна, — сказала сущность тихо. И в этой тишине было что-то настоящее, без иронии. — Реальность где переход прошёл правильно. Где он стал именно тем сосудом которым должен был стать. Сильнейшим. Без разломов, без проклятия, без смертей.

— И?

— И там нет её, — сказала сущность. — Якорь не нужен там где нет ошибки. Проекция не создаётся. Она просто — отсутствует.

Пространство вокруг стало тише.

— Мне жаль, — сказала сущность, и это прозвучало странно из уст чего-то тёмного и огромного. — Что я не могу переместить себя туда. В ту реальность. Где всё вышло правильно.

— Почему не можешь?

— Потому что я здесь, — просто ответила она. — Привязана к своей ошибке. Как и он.

Ориэн поднял взгляд на звёзды над ними.

Их было бесчисленное множество — разного размера, разной яркости, некоторые едва тлели, некоторые горели ярко.

— Это его смерти, — сказал он. — И воспоминания.

Сущность засмеялась.

Не так как раньше — громко и сотрясающе. Тихо. Почти нежно. Что было страшнее.

— Ты думаешь это его? — сказала она. — Эти звёзды?

Ориэн смотрел на них.

— Это мои, — сказала сущность. — Мои жизненные циклы. Пока я была человеком. Все мои смерти, все мои рождения, все мои воспоминания до вознесения. Их много, правда?

Ориэн стоял в чужом сознании под чужим небом из чужих жизней — и впервые за очень долгое время не знал что сказать.

— Я ожидала, — сказала сущность, — что ты сломаешься. Расщепишься. Сознание картографа которое увидело слишком много — это обычно не заканчивается хорошо.

Ориэн молчал.

— Но ты стоишь, — она звучала почти удивлённо. — Целый. Спокойный. Интересно.

— Я видел многое, — сказал он ровно.

— Не такое, — возразила сущность.

— Нет, — согласился он. — Не такое.

Пауза.

— Зря я рассказала тебе всё это, — сказала сущность медленно. Без злобы — скорее с лёгким раздражением на саму себя. — Я не думала что ты сможешь пережить это. Рассчитывала что унесёшь это знание туда откуда не возвращаются.

— Не повезло, — сказал Ориэн.

Сущность помолчала.

— Действительно, — сказала она наконец. — Не повезло.

Кристалл между ними вспыхнул — не ярко, просто на секунду стал непрозрачным, молочно-белым — и Ориэн открыл глаза.

Сидел неподвижно секунду. Два. Три.

Эвери смотрела на него не дыша.

Потом он медленно, очень медленно, потёр лицо ладонями. Выдохнул.

— Живой, — сказал он. Себе, не им. Как будто проверял.

— Мастер Ориэн, — Эвери уже стояла рядом с открытым дневником. — Что вы видели?

Он посмотрел на неё. Потом на Каэля который всё ещё сидел в круге — бледный, с голубыми линиями на шее которые медленно угасали.

— Воды, — сказал Ориэн.

Эвери принесла. Он выпил медленно, поставил кружку, снова посмотрел на Каэля.

— Выйди из круга, — сказал он. — Сядь.

Каэль вышел, сел в кресло. Руки всё ещё чуть дрожали.

— Расскажу что смогу, — начал Ориэн. — Внутри у вас — огромная территория. Больше чем у любого человека которого я видел. Это не комплимент, это просто факт — такое пространство сознания требует огромного количества энергии чтобы поддерживать себя.

— Разломы в душе, — сказал Каэль.

— Они следствие, — сказал Ориэн. — Не причина. — Он помолчал, выбирая слова. — Внутри есть сущность. Тёмная, старая, очень сильная. Она там не случайно.

Каэль не пошевелился.

— Она рассказала мне кое-что, — продолжил Ориэн. — Про то как вы здесь оказались. Про то что с вами происходит.

— И?

Ориэн смотрел на него прямо.

— Вы пришли из другого места, — сказал он ровно. — Из другого мира. Сущность призвала вас — намеренно, потому что ваша духовная энергия была заметна даже оттуда. Но при переходе что-то пошло не так. Разница между мирами оказалась больше чем она рассчитывала.

Тишина.

— Голоса в голове, — сказал Ориэн. — Чужие воспоминания. Ощущение что тело не совсем ваше. Это последствия этой ошибки. Ваша душа несёт на себе то что не должна была нести.

Эвери писала быстро, не поднимая головы.

— Это можно исправить? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил Ориэн. — Я таких случаев не видел. И надеюсь что больше не увижу, — добавил он тихо, почти про себя.

Он встал. Прошёлся по комнате — медленно, как человек которому нужно подвигаться чтобы мысли улеглись — и остановился у окна.

— Есть кое-что ещё, — сказал он не оборачиваясь. — Про вас двоих.

Эвери подняла голову.

— Я не буду говорить всего, — сказал Ориэн. — Не потому что скрываю. Просто некоторые вещи лучше понимать самому, в своё время. Чужие слова тут не помогут.

Он обернулся и посмотрел на Каэля.

— Но вот что скажу прямо, — голос стал тише но тверже. — Берегите её. — Он кивнул на Эвери. — Не потому что она слабая — она явно не слабая. А потому что она важнее чем вы сейчас понимаете. И ещё —

Он сделал паузу.

— Никогда не бойтесь её. Что бы ни случилось. Что бы вы ни узнали. Не бойтесь.

Каэль смотрел на него. Что-то в этих словах легло не снаружи а внутрь — туда где было тихо и важно.

— Понял, — сказал он.

Ориэн кивнул. И вдруг — совершенно неожиданно — хлопнул в ладоши и потёр их с видом человека который только что принял очень важное решение.

— Ну что ж! — сказал он бодро, и интонация была настолько другой что Эвери даже перестала писать. — После вас, ребята, я пожалуй возьму себе отпуск. Давно не брал. Лет двадцать, кажется.

— Заслужили, — сказал Каэль.

— Ещё как, — согласился Ориэн. — Идите. И — удачи вам. Искренне.

Они вышли на улицу. Синяя дверь закрылась за ними.

Эвери шла рядом и молчала — что было само по себе редкостью. Каэль не торопил.

— Каэль, — сказала она наконец.

— Что.

— Он сказал беречь меня.

— Да.

— Почему именно меня.

— Не знаю, — сказал он.

Это была почти правда.

Глава 5 - Каэль, жизнь до

Город был обычным — не маленьким, не огромным, из тех что не попадают на открытки но в которых хочется жить именно потому что они не пытаются никого впечатлить. Вечерами в центре зажигались гирлянды над пешеходной улицей, по выходным на площади собирался стихийный рынок с уличной едой, а в подворотнях пахло то корицей из ближайшей кофейни, то выхлопом, то почему-то всегда немного дождём, даже когда дождя не было.

Каэлю было восемнадцать, и для него этот город был всем что он знал — местом где он родился, вырос, и собирался прожить ещё много лет не задумываясь особо о том что будет дальше. Не потому что был глупым. Просто восемнадцать лет это тот возраст когда будущее кажется бесконечным запасом времени который точно не закончится внезапно.

Он работал барменом в небольшом заведении на углу — не пафосном, не модном, просто тёплом месте куда люди приходили чтобы выдохнуть после рабочего дня. Хозяин, мужчина лет пятидесяти с вечно прищуренными глазами и руками в татуировках, взял его на работу полгода назад почти случайно — Каэль зашёл спросить дорогу, разговорился, и через двадцать минут уже стоял за стойкой пробуя на вкус разные сочетания просто из любопытства.

— У тебя талант, — сказал тогда хозяин, попробовав один из экспериментов. — Или невероятная удача. Пока не разберу что именно. Мне нравится! Добавим твой авторский коктейль в меню! — богато рассмеявшись сказал он.

— Спасибо, мне просто показалось что выйдет неплохо — ответил Каэль, и так и остался.

Он был из тех людей о которых говорят *душа компании* — но скорее в смысле притяжения. Он не кричал громче всех и не был центром каждого разговора. Просто рядом с ним людям становилось легче дышать — он шутил вовремя, слушал внимательно, и умел разрядить любую неловкую паузу одной фразой которая попадала точно в настроение момента.

Друзей у него было много — не близких в смысле глубоких откровений за полночь, а тех с кем приятно проводить время, ходить на вечеринки, срываться в путешествия выходного дня без особого плана. Каэль любил компании. Любил шум, музыку, смех, чужие истории, и особенно любил тот момент вечера когда все уже расслабились и разговор перестаёт быть вежливым обменом фразами и становится чем-то настоящим.

— Ты как батарейка, — сказала ему однажды подруга детства, Лина, наблюдая как он переходит от одной группы людей к другой на чьей-то вечеринке, у каждой оставляя за собой смех. — Заряжаешься от людей.

— Да брось Лина, я просто робот живущий на позитиве — добавил он, подмигнув.

— Вот именно поэтому ты вечно куда-то идёшь.

Она была права. Дома Каэль проводил минимум времени — спал, иногда готовил себе что-то простое, иногда просто заходил переодеться между сменой и очередной встречей. Квартира была небольшой, съёмной, с минимумом мебели — не потому что не было денег, просто он никогда не видел смысла обставлять место в котором почти не бывает.

Работа в баре подходила ему идеально — она была про людей, про истории, про короткие но настоящие разговоры через стойку. Постоянные клиенты знали его по имени, он знал их заказы наизусть и часто — куда больше чем заказы.

— Каэль, налей что покрепче, — говорил один и тот же мужчина каждую пятницу, садясь на тот же барный стул. — Неделя была дрянная.

— Расскажи, — отвечал Каэль, уже доставая нужную бутылку.

И мужчина рассказывал — про работу, про развод который тянулся уже год, про дочь которая редко звонит. Каэль слушал, кивал в нужных местах, иногда вставлял что-то остроумное чтобы разрядить тяжесть разговора, и к концу вечера человек уходил чуть легче чем пришёл.

Это было то что у него получалось лучше всего — не решать чужие проблемы, а делать так чтобы их было легче нести.

По выходным он часто пропадал на тусовках — квартирники, концерты в небольших клубах, спонтанные вылазки на крышу заброшенного здания за городом откуда был отличный вид на закат. Каэль не был любителем серьёзных разговоров о смысле жизни — он скорее наслаждался моментом, шутил, танцевал плохо но с огромным энтузиазмом, и засыпал часто там же где заканчивалась вечеринка, на чьём-то диване или в спальном мешке если дело было на природе.

— Ты вообще когда-нибудь думаешь о будущем? — спросил его как-то один из друзей, Марк, во время очередной такой ночи под открытым небом.

Каэль посмотрел на звёзды — обычные, знакомые, те что он видел всю жизнь — и пожал плечами.

— А зачем? Оно само придёт.

— Философски.

— Реалистично, — поправил Каэль. — Я работаю, мне нравится моя работа. У меня есть вы, идиоты. Что ещё нужно?

— Ипотека, например.

— Это завтрашняя проблема завтрашнего меня.

Марк засмеялся, и разговор перешёл на что-то другое — кто-то предложил очередную бредовую идею для следующих выходных, и Каэль уже включился в обсуждение с тем же энтузиазмом с каким включался во всё.

Он не был беззаботным в смысле глупости — просто умел не нести лишний груз. Когда случались проблемы — а они случались, как у всех — он решал их быстро, по делу, и не позволял им портить настроение дольше необходимого. Эта черта иногда раздражала тех кто хотел от него больше сочувствия к собственным трагедиям, но друзья которые оставались рядом ценили именно это — рядом с Каэлем сложные вещи казались решаемыми.

Семья у него была — мать, с которой он созванивался каждое воскресенье, не слишком долго, но регулярно. Отца не было рядом уже много лет, и Каэль относился к этому факту со спокойствием человека который давно сделал свой мир достаточно полным без этого присутствия.

— Как дела, солнышко? — спрашивала мать каждое воскресенье.

— Всё хорошо, мам. Работаю, тусуюсь, живу.

— Девушка есть?

— Мам.

— Что? Просто спрашиваю.

— Нет никого конкретного. Не торопи события.

Она вздыхала на том конце провода, но не настаивала — знала что сын разберётся со своей жизнью в своём темпе, и пока что этот темп выглядел вполне счастливым.

Лето в тот год выдалось особенно тёплым, и весь город будто переехал на улицы — открытые веранды кафе были забиты до полуночи, в парке у реки каждые выходные кто-то устраивал импровизированный концерт, а воздух пах нагретым асфальтом, мороженым и чужими духами, смешанными в один общий аромат города который живёт по-настоящему.

Каэль любил это время года больше всего. Не потому что было тепло — потому что именно летом город становился самим собой, шумным и щедрым, и его смены в баре растягивались до раннего утра, заполненные не только постоянными клиентами но и случайными туристами, студентами на каникулах, парами на первых свиданиях которые нервно листали меню коктейлей не зная что выбрать.

— Что посоветуешь? — спросила однажды девушка лет двадцати, явно нервничая на первом свидании за столиком у окна.

Каэль улыбнулся — той самой улыбкой которая располагала людей мгновенно.

— Зависит от того, нервничаете вы или ваш собеседник, — сказал он тихо, наклонившись чуть ближе. — Если вы — что-то лёгкое, чтобы голова не путала смелость с алкоголем. Если он — налью покрепче, пусть расслабится и перестанет нервно поправлять воротник.

Девушка рассмеялась — искренне, неожиданно для себя — и весь вечер потом поглядывала на Каэля с благодарностью, будто он подарил ей разрядку которая была нужна больше чем сам коктейль.

Хозяин бара, которого все звали просто Дядя Ген несмотря на то что родственником он не приходился никому, любил повторять что Каэль работает не руками а ушами.

— Любой может смешать напиток по рецепту, — говорил он, протирая стаканы за стойкой в тихие часы перед открытием. — Ты слушаешь людей. Это редкость.

— Я просто люблю разговоры, — отвечал Каэль, расставляя бутылки по местам с той методичностью которая контрастировала с его обычной лёгкостью характера.

— Вот именно поэтому к тебе и возвращаются.

Это было правдой — клиентура бара росла не из-за рекламы или модных коктейлей, а из-за того что люди хотели вернуться именно к этому бармену который помнил не только их любимые напитки, но и имена их собак, даты экзаменов, и то как прошло то самое собеседование о котором рассказывали три недели назад.

Друзья Каэля представляли собой довольно пёструю компанию — Марк, работавший в IT и вечно жаловавшийся на дедлайны но никогда серьёзно; Лина, подруга детства, изучавшая дизайн и постоянно затаскивающая всех на странные выставки современного искусства; Юрс, немного странный парень который играл на гитаре в местной группе и всегда появлялся именно тогда когда становилось скучно.

По пятницам у них была традиция — собираться у кого-то дома, заказывать слишком много еды, и играть в нелепые настольные игры до глубокой ночи, перемежая партии разговорами обо всём и ни о чём одновременно.

— Каэль, твой ход, — Лина пихнула его локтем, отвлекая от телефона куда он отвечал матери на очередное воскресное (хотя была пятница) сообщение.

— Секунду, — он быстро допечатал что-то и отложил телефон. — Так, что у нас тут.

— Ты вечно отвлекаешься, — заметил Марк.

— Я многозадачный, — парировал Каэль, делая ход который тут же вызвал возмущённые крики у всего стола — ход оказался неожиданно стратегически верным несмотря на видимую рассеянность.

— Как у тебя это получается, — простионала Лина, разглядывая доску. — Ты же не следил за игрой вообще!

— Талант, — Каэль пожал плечами с притворной скромностью. — Или удача. Я сам ещё не разобрался.

Это была его коронная фраза, которую он использовал по любому поводу — от удачных ходов в играх до удачных коктейлей которые придумывал на ходу. Друзья давно перестали удивляться и просто принимали это как часть его обаяния.

Юрс обычно приносил гитару даже когда никто не просил, и к середине вечера, когда настольные игры надоедали, а разговоры становились более расслабленными, он начинал тихо наигрывать что-то — иногда узнаваемое, иногда импровизацию, и Каэль часто подпевал немного фальшиво но с огромным удовольствием, не стесняясь своего весьма посредственного слуха.

— Ты поёшь как умирающая чайка, — сказал как-то Марк, морщась после особенно неудачного куплета.

— Зато с душой, — отбился Каэль, не переставая петь.

— Душа здесь ни при чём, тут просто отсутствие слуха.

— Это и есть моя душа. Прими меня таким.

Все засмеялись, и Юрс, посмеиваясь, перешёл на другую песню — более простую, чтобы Каэль хотя бы примерно попадал в ноты.

Эти вечера были простыми, ничем не примечательными по отдельности, но именно из таких вечеров складывалась его жизнь — тёплая, наполненная людьми, без особых амбиций изменить мир но с искренним удовольствием от каждого прожитого дня.

Иногда, поздно ночью, возвращаясь домой пешком потому что было слишком тепло чтобы брать такси, Каэль проходил мимо реки и останавливался на мосту, просто чтобы постоять немного, посмотреть на отражение городских огней в воде.

В такие моменты он не думал ни о чём особенном — может быть о завтрашней смене, может быть о том стоит ли наконец пригласить на свидание девушку из соседней кофейни которая последние недели как-то особенно много улыбалась когда он заходил за утренним кофе перед сменой. Мысли были лёгкими, незначительными, тем фоновым шумом который сопровождает жизнь человека у которого всё более-менее хорошо и который ещё не знает насколько хрупким может оказаться это "хорошо".

Город под ним продолжал жить своей ночной жизнью — где-то играла музыка из открытого окна, где-то смеялись запоздалые прохожие, где-то скрипели тормоза такси подбирающего очередного клиента.

Каэль вдыхал тёплый ночной воздух, улыбался своим мыслям, и шёл дальше домой — не подозревая что одним из ближайших вечеров точно такой же обычный ужин с друзьями в ресторане станет последним вечером той жизни которую он знал.

Кофейня называлась просто "Зёрна" — без претензий на оригинальность, зато с лучшим капучино в радиусе нескольких кварталов, по мнению Каэля, который успел перепробовать почти все заведения по пути на работу за те месяцы что жил неподалёку.

Девушку звали Софи, и она работала там по утрам — невысокая, с короткой стрижкой и привычкой закусывать губу когда сосредоточенно делала латте-арт, который у неё неизменно получался кривоватым но всегда с явной попыткой нарисовать что-то конкретное, не просто сердечко.

— Сегодня пытаюсь кота, — сказала она однажды, протягивая ему стакан с чем-то отдалённо похожим на животное с непропорционально большой головой.

— Это определён кот, — Каэль внимательно изучил рисунок. — Очень упитанный кот.

— Это не упитанность, это художественная интерпретация.

— Конечно.

Она закатила глаза, но улыбнулась, и Каэль унёс свой кофе с тем особенным теплом в груди которое появляется когда утро начинается хорошо.

Они флиртовали так уже недели три — легко, без напряжения, обмениваясь шутками через стойку каждое утро, и оба прекрасно понимали что дело движется к чему-то более конкретному, просто не торопили момент, наслаждаясь этой стадией неопределённости которая иногда приятнее самих отношений.

— Слушай, — сказал он в тот четверг, забирая свой стакан. — В пятницу у меня смена заканчивается рано. Может —

— Да, — сказала она быстро, прежде чем он успел закончить вопрос.

— Я даже не спросил ещё.

— Но собирался спросить что-то про пятницу и про то не хочу ли я сходить куда-нибудь.

Ответ да.

Каэль засмеялся — искренне, с тем восторгом который бывает когда что-то идёт даже лучше чем планировал.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда пятница.

— Тогда пятница, — подтвердила она, уже отворачиваясь к следующему клиенту, но успел заметить лёгкий румянец на её щеках который выдавал что она волновалась больше чем показывала.

Та неделя вообще выдалась особенно лёгкой — будто сама вселенная решила сделать Каэлю подарок перед тем как всё изменится, хотя тогда он естественно не мог об этом знать.

На работе всё шло гладко — Дядя Гена даже предложил ему небольшое повышение, заметив как выросла клиентура именно в его смены.

— Подумай о своём будущем, парень, — сказал он, протирая стакан с обычной неторопливостью. — Может откроешь когда-нибудь своё место. У тебя есть для этого всё нужное.

— Я подумаю, — ответил Каэль, и это даже не было отговоркой — он действительно начал об этом думать впервые за долгое время, представляя небольшой бар где-нибудь у реки, с верандой, где можно сидеть допоздна слушая воду.

Мысль была приятной, тёплой, абстрактной — из тех что обдумываешь не торопясь, зная что время есть.

С друзьями в ту неделю тоже всё складывалось особенно хорошо. Марк наконец закрыл свой затянувшийся проект и предложил это отметить, Лина показала первые наброски для какой-то крупной выставки куда её пригласили поучаствовать, а Юрс объявил что его группа наконец получила приглашение выступить в более крупном клубе чем обычно.

— Нужно это отпраздновать, — заявила Лина за их традиционным пятничным сбором, хотя в эту пятницу собрались чуть раньше из-за планов Каэля на вечер. — Все сразу. Проект Марка, моя выставка, концерт Юрс.

— И мою первую свиданку с Софи из кофейни, — добавил Каэль с лёгкой улыбкой.

— О, наконец-то, — выдохнул Марк с притворным облегчением. — Мы все уже устали ждать пока ты соберёшься её пригласить.

— Я не тянул, у нас был естественный темп.

— Три недели флирта через стойку — это не темп, это называется т-о-р-м-о-з, — поправила Лина.

— Это утончённость, — возразил Каэль, и все засмеялись, и разговор плавно перешёл к обсуждению куда лучше пойти на большой совместный праздник в честь всех этих хороших новостей.

В итоге решили на следующей неделе собраться всей компанией в том самом ресторане у реки, который все любили — с хорошей кухней, негромкой живой музыкой по вечерам, и видом на воду который особенно красиво смотрелся на закате.

— Договорились, — сказал Каэль, поднимая бокал с чем-то простым в качестве предварительного тоста. — За хорошие новости.

— За хорошие новости, — повторили остальные, и звон бокалов слился с обычным шумом вечера — музыкой, смехом, голосами друзей которые были рядом столько лет что казались уже почти семьёй.

Он не знал тогда, поднимая этот бокал в обычный летний вечер, что это будет одна из последних спокойных недель той жизни которую он строил все восемнадцать лет, не торопясь, без особых амбиций, просто наслаждаясь моментом за моментом, веря — как верят все молодые люди в его положении — что времени впереди ещё очень, очень много.

Вечер был из тех что хочется растянуть.

Не потому что происходило что-то особенное — просто смех был настоящим, вино не кислило, и никто не смотрел в телефон. Каэль сидел у окна, крутил бокал в руках и думал что надо бы чаще вот так. Просто сидеть. Просто быть.

— Ты опять куда-то улетел, — сказал Марк напротив.

— Никуда. Слушаю.

— Врёшь.

— Немного, — Каэль улыбнулся, отпивая из бокала.

Стол был накрыт по-настоящему празднично — Лина настояла на десерте для всех в честь её выставки, Марк заказал что-то покрепче в честь закрытого проекта, Юрс уже предвкушал свой первый крупный концерт и был непривычно взволнован для человека который обычно держался невозмутимо при любых обстоятельствах.

— За хорошие новости, — повторила Лина свой тост с пятницы, поднимая бокал снова, уже здесь, у реки.

— За хорошие новости, — отозвались остальные.

Закат за окном был особенно красивым — вода отражала оранжевые и розовые оттенки, и весь зал ресторана казался залитым этим тёплым светом.

— Кстати, как там Софи? — спросила Лина с лукавой улыбкой. — Когда официально знакомить с компанией?

— Терпение, — Каэль усмехнулся. — Мы только начали встречаться.

— Три недели флирта плюс одно свидание это уже не "только начали", — заметил Марк.

— Вы невыносимы.

— Это потому что любим тебя, — Юрс подмигнул, разливая остатки вина по бокалам.

Разговор тёк легко, перепрыгивая с темы на тему — от концерта Юрса до планов на отпуск который они давно обещали друг другу но никак не могли организовать из-за вечно несовпадающих графиков.

— В следующем году точно, — сказал Каэль уверенно. — Соберёмся все вместе, возьмём отпуск синхронно, и куда-нибудь к морю. Никаких отговорок.

— Записываю это как официальное обещание, — Лина действительно достала телефон и что-то напечатала с притворной серьёзностью.

— Я слово держу.

— Посмотрим.

Они смеялись, ели, заказывали ещё, и время текло незаметно — так, как течёт только в действительно хорошие вечера, когда не хочется смотреть на часы.

Где-то ближе к десерту Каэль почувствовал лёгкий дискомфорт в животе — ничего серьёзного, просто что-то немного не то, и он списал это на слишком насыщенный ужин.

— Отойду на минуту, — он поднялся, придержал стол рукой — чуть повело.

— Всё нормально? — спросила Лина, заметив его лёгкую бледность.

— Вино, — соврал он, уже двигаясь к туалету.

Нет. Не вино.

Туалет ресторана был пуст, отделан в том же тёплом стиле что и весь зал. Каэль успел добраться до раковины, вцепился в края — и его вывернуло. Раз. Потом ещё раз. Он держался на руках и смотрел на воду которая утекала вниз и думал *что-то не так, что-то очень не так* но мысль не успела оформиться до конца.

Темнота пришла снизу. Сначала поплыл пол, потом стены, потом свет сжался в точку — И всё.

Тем временем за столом уже начали переживать.

— Он что-то долго, — заметила Лина минут через пятнадцать, отвлекаясь от разговора о выставке.

— Может, плохо стало, — Марк пожал плечами. — Он сказал про вино.

Прошло ещё десять минут. Десерт принесли, а Каэль так и не вернулся.

— Пойду проверю, — Юрс встал, отложил салфетку.

Он постучал в дверь мужского туалета. Тишина.

— Каэль? Ты там?

Ничего.

Юрс толкнул дверь — она была не заперта — и зашёл внутрь.

Каэль лежал на полу у раковины, неподвижный, бледный до синевы вокруг губ.

— КАЭЛЬ!

Крик разнёсся по всему ресторану. Лина и Марк вскочили одновременно, бросились на зов, и через секунду все трое стояли над ним, и Лина уже кричала кому-то вызвать скорую, и Марк пытался нащупать пульс трясущимися руками, не зная точно как это делается правильно но всё равно пытаюсь, а Юрс стоял в дверях бледный как полотно, повторяя его имя снова и снова будто это могло что-то изменить.

Скорая приехала быстро — мигалки, резкие голоса медиков, носилки, и весь вечер который только что был тёплым и праздничным разлетелся на осколки тревоги и страха.

В приёмном покое им не говорили ничего конкретного. Врач вышел через час с лицом профессионально нейтральным, что пугало больше любых объяснений.

— Состояние стабильное, — сказал он. — Но он без сознания. Кома. Причину пока установить не можем — анализы не показывают ничего что объясняло бы это однозначно. Будем наблюдать.

— Кома, — повторила Лина едва слышно, как будто слово было слишком тяжёлым чтобы произнести его громче.

— Сколько это может продлиться? — спросил Марк.

— Невозможно сказать заранее, — врач покачал головой. — Можете пройти к нему.

Ненадолго.

Палата была тихой, белой, наполненной мерным звуком аппаратов которые отслеживали то что они не могли увидеть сами — дыхание, сердцебиение, присутствие жизни в теле которое выглядело пугающе неподвижным.

Лина села у кровати первой, взяла его руку — тёплую, живую, но безответную.

— Ты обещал отпуск, — сказала она тихо, голос дрожал. — В следующем году. К морю. Все вместе.

Марк стоял у окна, отвернувшись, плечи напряжены.

Юрс опустил на стул в углу, держа голову руками, и в его молчании было больше горя чем в любых словах.

За окном уже стемнело полностью — тот же закат который несколько часов назад был таким красивым над рекой, теперь казался воспоминанием из другой, более счастливой жизни.

— Он очнётся, — сказала Лина, не глядя ни на кого, скорее убеждая саму себя. — Он обязательно очнётся.

Никто не ответил.

Аппараты продолжали мерно пищать, отсчитывая секунды в комнате где трое друзей сидели рядом с тем кто буквально в эту же секунду — хотя они не могли этого знать — открывал глаза на каменной мостовой чужого города, под чужим солнцем, в мире который они никогда не увидят.

Утром следующего дня "Зёрна" открылись как обычно, и Софи готовила первую партию кофе для ранних посетителей, поглядывая на часы в ожидании знакомого силуэта который обычно появлялся в этот час — растрёпанный, с лёгкой улыбкой, готовый отпустить какую-нибудь шутку про её очередной кривоватый рисунок на пене.

Каэль не пришёл.

Она не придавала этому особого значения сначала — может проспал, может задержался, мало ли что бывает. Но к обеду, когда он так и не появился даже мимоходом, лёгкое беспокойство начало оседать где-то внутри.

Она написала ему сообщение. Простое, без драмы — *всё хорошо? не видела тебя сегодня.*

Ответа не было.

Лина нашла её ближе к вечеру — пришла прямо в кофейню, уже после закрытия, когда Софи протирала последние столики перед уходом домой. Лицо у неё было таким что Софи сразу поняла — что-то случилось, ещё до того как прозвучало хоть слово.

— Софи, — сказала Лина, и голос дрогнул на этом единственном слове.

— Что произошло, — Софи отложила тряпку, чувствуя как внутри похолодело.

— Каэль, — Лина с трудом подбирала слова. — Вчера вечером, в ресторане. Ему стало плохо. Он — он в коме. В больнице.

Софи стояла неподвижно, не сразу осознавая смысл услышанного — слова вроде складывались в предложение но не хотели складываться в реальность.

— Кома, — повторила она тихо. — Как это — кома, он же был здесь утром, мы же —

— Никто не знает почему, — Лина покачала головой, и было видно что она сама держится из последних сил. — Врачи не говорят ничего конкретного. Просто — кома. Без объяснений.

Софи не помнила толком как добралась до больницы — кажется, Лина довезла её на такси, кажется, они почти не разговаривали по дороге, обе слишком потрясённые чтобы искать слова.

В коридоре у палаты уже сидели Марк и Юрс — оба выглядели так будто не спали всю ночь, что, как выяснилось, было правдой.

— Можно к нему? — спросила Софи, голос звучал чужим даже для неё самой.

— Можно, — Марк кивнул в сторону двери. — Ненадолго. Так врачи сказали.

Палата встретила её тишиной, нарушаемой только мерным писком аппаратов.

Каэль лежал неподвижно — лицо спокойное, как будто просто спит, и от этого было ещё страшнее, потому что хотелось верить что он сейчас просто откроет глаза и спросит что за паника вокруг.

Софи подошла медленно, села на стул который кто-то заботливо придвинул к кровати. Взяла его руку — тёплую, безответную.

— Мы должны были встретиться вчера, — сказала она тихо, скорее для себя чем для него. — Помнишь? Ты так и не спросил толком, я сама ответила за тебя.

Тишина в ответ. Только ровный писк монитора.

— Это нечестно, — продолжила она, и голос предательски дрогнул. — Мы только начали, — она всхлипнула.

Она замолчала, чувствуя как к горлу подкатывает ком.

— Ты обязан очнуться и доказать что это было по настоящему, — сказала она почти шёпотом. — Слышишь меня?

Каэль не пошевелился.

За окном палаты уже снова темнело — второй вечер подряд, и где-то очень далеко, в другом мире под другим небом, тот же человек открывал глаза на чужой площади, не подозревая что здесь, в его родном городе, в маленькой белой комнате, сидит девушка которая держит его за руку и не знает что он не вернётся.

Глава 6 - Ах! Какое чудесное утро! К тренировкам!

Утро началось так спокойно, и умиротворенно — просто солнце через занавеску, запах хлеба с соседней пекарни, и ощущение что можно просто полежать ещё пять минут.

Каэль не сразу понял что именно ему так непривычно. Потом понял — тишина. Не злобная, не давящая. Просто обычная утренняя тишина дома где никто никуда не торопится.

— Каэль! — голос Эвери снизу. — Хлеб кончился, иди одевайся, идём на рынок!

Он улыбнулся в потолок.

— Иду!

Рынок гудел как обычно — рыбные ряды, специи, кто-то торговался за курицу так яростно будто решалась судьба королевства.

— Сегодня без приключений, — сказала Эвери, уверенно ныряя между рядами. — Просто хлеб, овощи, может мясо если найдём что-то нормальное.

— Звучит подозрительно хорошо для нас.

— Вот именно поэтому я и боюсь, — она усмехнулась, не оборачиваясь.

Они дошли до знакомой торговки хлебом — той самой, у которой Каэль когда-то безуспешно пытался расплатиться евро в самый первый день. Женщина узнала его сразу, хотя он сам этого не помнил — для неё это была обычная встреча.

— О, опять ты, — она протянула им круглый румяный хлеб. — В этот раз хоть деньги нормальные?

— В этот раз — да, — Каэль расплатился, и она удовлетворённо кивнула.

— Помнит твою наглость с купюрой, — заметила Эвери, отходя.

— Я был отчаявшимся туристом.

— Ты был подозрительным типом с фальшивыми деньгами.

— Это вопрос интерпретации.

Она засмеялась, и они пошли дальше — за овощами, потом к мяснику который долго выбирал для них лучший кусок, расхваливая его так будто продавал не мясо а произведение искусства.

— Свежайшее, — говорил он, заворачивая попку. — Сегодня утром.

— Откуда вы знаете что свежайшее каждый раз когда мы приходим? — спросил Каэль с лёгкой улыбкой.

Мясник на секунду завис.

— Просто верьте мне, молодой человек, — сказал он наконец с достоинством, и Эвери пихнула Каэля локтем чтобы тот не развивал тему дальше.

Когда они возвращались домой, нагруженные покупками, у дома по соседству — пустовавшего последние недели — стояла телега с вещами.

— О, — Эвери замедлила шаг. — Кто-то въезжает.

Мужчина лет тридцати пяти разгружал мебель, явно не справляясь в одиночку — пытался удержать сразу шкаф и какой-то ящик который грозил упасть. Рядом стояла женщина примерно того же возраста, держа на руках довольно упитанного кота который явно не одобрял переезд и выражал это всем своим видом.

— Помочь? — Каэль уже шёл к ним, оставив пакеты.

Мужчина обернулся, чуть не выронив шкаф.

— Был бы благодарен, — выдохнул он.

Они вдвоём затащили шкаф внутрь — оказался тяжелее чем выглядел — а Эвери тем временем уже разговаривала с женщиной.

— Я Эвери, — сказала она. — Мы соседи, вон тот дом.

— Мира, — женщина переложила кота на другую руку, и тот недовольно мяукнул. — А это Бочка. Он не в восторге от переезда.

— Заметно, — Эвери протянула руку коту понюхать пальцы, тот демонстративно отвернулся.

— Гордый, — усмехнулся Каэль, выходя из дома уже без шкафа но с лёгкой одышкой. — Каэль.

— Дарен, — мужчина пожал руку, всё ещё переводя дыхание. — Спасибо, серьёзно. Думал надорвусь с этим шкафом.

— Откуда переезжаете? — спросила Эвери.

— С восточного квартала, — сказала Мира. — Там дома совсем тесные стали, а у Дарена теперь мастерская через два квартала отсюда, так что решили перебраться поближе.

— Мастерская?

— Кузнец, — Дарен кивнул на ящики которые ещё предстояло занести, судя по форме там явно были инструменты. — В основном бытовое железо, иногда оружие на заказ.

— О, — Каэль оживился. — Мне как раз бы не помешало что-то получше для тренировок.

— Заходи как обустроимся, — Дарен улыбнулся, явно довольный новым знакомством с порога. — Покажу что умею.

Следующий час они помогали затаскивать остальные вещи — не потому что были обязаны, просто так получилось, разговор завязался сам собой и уходить казалось странным посреди дела.

— У вас тут так шумно, — заметила Мира, разглядывая улицу. — В хорошем смысле. Дома пахнет хлебом, у фонтана дети бегают.

— Привыкнете, — сказала Эвери. — Мы тоже не местные оба, в смысле — я местная, а он, — она кивнула на Каэля, — издалека.

— Очень издалека, — подтвердил Каэль с лёгкой улыбкой которая для непосвящённого звучала просто как шутка.

— Понимаю, — неожиданно серьёзно сказал Дарен, ставя последний ящик. — Я тоже когда первый раз переехал в большой город — казалось что весь мир сошёл с ума. Шумно,людно, непривычно.

Каэль и Эвери переглянулись на секунду — мужчина не мог знать насколько буквально близко он попал к правде, но интонация была подходящей.

— В итоге привыкаешь, — добавил Дарен, отряхивая руки. — Находишь своих людей. Дальше легче.

К вечеру у соседей уже пахло ужином — что-то с травами, судя по запаху доносившемуся через открытое окно. Каэль и Эвери сидели у себя на пороге, доедая остатки хлеба с рынка, наблюдая как город медленно затихает к ночи.

— Хорошие соседи, — сказала Эвери.

— Бочка особенно, — Каэль усмехнулся, вспоминая надменный взгляд кота.

— Бочка явно аристократ в кошачьем теле.

— Не удивлюсь если у него больше достоинства чем у половины гильдии Весов.

Эвери фыркнула, толкнула его плечом.

— Не груби гильдии, нас там только повысили.

— Это не отменяет того что Бочка эффектнее заходит в комнату.

Они посидели ещё немного молча, просто слушая город — стук молотка где-то у Дарена который явно уже начал разбирать инструменты, смех детей у фонтана, далёкую музыку из таверны.

— Знаешь, — сказала Эвери тихо, — такие дни мне нравятся больше всего.

— Без монстров и смертей?

— Именно.

Каэль посмотрел на неё, потом на темнеющее небо, потом снова на неё.

— Мне тоже, — сказал он просто.

На следующий день, когда Дарен с Мирой более-менее обустроились, он действительно зашёл за Каэлем — высунулся из своей кузницы прямо через дорогу и помахал рукой.

— Эй! Зайди, покажу!

Каэль обернулся к Эвери которая сидела на крыльце с книгой.

— Иду посмотреть железо.

— Не задерживайся, — сказала она не отрываясь от страницы. — Ужин через час.

Кузница пахла металлом и углём — тёплый, насыщенный запах который почему-то успокаивал. Дарен уже разложил инструменты, и сейчас возился с чем-то у горна, подкидывая угли.

— Смотри, — он взял со стойки клинок — простой, без украшений, но с явно хорошей балансировкой. — Это для тренировок. Не боевой, но достаточно тяжёлый чтобы рука привыкала к весу.

Каэль взял клинок, повертел в руке.

— Лёгкий.

— Это плохо или хорошо?

— Не знаю, — честно сказал Каэль. — Я не особо владею мечами.

— Слышал от Эвери что ты больше думаешь чем дерёшься, — Дарен усмехнулся, без насмешки, скорее с любопытством. — Это не плохо. Просто другой подход.

— Гривари так не считали, — пробормотал Каэль, вспоминая ту ночь.

— Что?

— Ничего. Долгая история.

Дарен не стал давить — просто кивнул и вернулся к горну, вытаскивая раскалённую заготовку щипцами.

— Смотри, — сказал он, начиная стучать молотом по металлу с ритмом который выглядел почти музыкальным. — Это не про силу. Это про повторение. Один удар ничего не значит. Тысяча ударов в одном месте — меняют форму железа навсегда.

Каэль смотрел как заготовка медленно меняла форму под равномерными ударами.

— Звучит как метафора, — заметил он.

— Может быть, — Дарен пожал плечами не прерывая работу. — А может просто как делается хорошее железо. Иногда вещи не обязаны значить больше чем они есть.

Каэль улыбнулся этому — простому, спокойному взгляду на вещи, который так контрастировал с его собственной головой полной разломов, циклов и чужих воспоминаний.

Он остался ещё на полчаса, просто наблюдая, иногда подавая инструменты когда Дарен просил. Разговор был лёгким — про город, про то что Мира искала работу швеи, про планы на мастерскую.

— У тебя самого какое ремесло? — спросил Дарен в какой-то момент.

— Гильдия, — сказал Каэль. — Задания, разведка, иногда что-то магическое.

— Магия, — Дарен присвистнул уважительно. — Не встречал близко магов раньше. Хотя постой, — он прищурился, разглядывая Каэля внимательнее. — От тебя что-то такое... странное чувствуется. Не обижайся, не в плохом смысле.

Каэль на секунду напрягся.

— Странное это как?

— Не знаю, — Дарен пожал плечами, возвращаясь к работе. — Усталое, наверное. Будто ты вымотан всегда. Хотя смотришь так со стороны, и вроде обычный парнишка!

Каэль молчал секунду.

— Бывает, — сказал он наконец, стараясь чтобы голос звучал легко.

Дарен не стал развивать тему — просто кивнул, и разговор плавно перетёк на что-то другое, на то какой нож лучше для разделки мяса, и момент тревоги растворился так же быстро как появился.

Каэль вернулся домой когда уже темнело, пахнувший углём и металлом.

— Ну как, — спросила Эвери, выставляя тарелки на стол. — Понравилось железо?

— Дарен хороший, — сказал Каэль, садясь. — Спокойный. Знаешь, говорит что один удар молотом ничего не значит, важно повторение.

— Звучит мудро.

— Я тоже так подумал. — Он помолчал секунду. — Он ещё сказал что от меня чувствуется что-то странное. Усталость, говорит. Будто я вымотан всегда.

Эвери замерла с половником в руке.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Не зацепился за это особо, просто заметил вслух.

Она поставила половник, села напротив, посмотрела на него внимательно.

— Это нормальные люди чувствуют? — спросила она тихо. — Без всякой маны, без тёмных способностей — просто чувствуют что с тобой что-то не так?

Каэль задумался.

— Не знаю, — сказал он честно. — Может просто наблюдательный. Может что-то ещё.

Они помолчали, доедая ужин в тишине которая на этот раз была чуть менее лёгкой чем утром.

— В любом случае, — сказала Эвери наконец, явно решив не нагнетать, — хорошо что у нас теперь есть сосед-кузнец. Будет кому точить твой меч когда наконец научишься им пользоваться.

Каэль усмехнулся, благодарный за смену настроения.

— Это камень в мой огород?

— Это констатация факта.

За окном темнело, где-то у Дарена ещё стучал молот — последние удары перед тем как он тоже закончит на сегодня — и вечер тёк дальше, спокойный, обычный, ровно такой каким они оба хотели его видеть.

Дарен пришёл к ним сам, без приглашения, держа что-то завернутое в ткань.

— Думал об этом разговоре, — сказал он, протягивая свёрток Каэлю. — Про магию. У меня тут давно лежал один заказ который так и не забрали — клиент уехал, не дождавшись. Может тебе пригодится.

Каэль развернул ткань.

Внутри лежал небольшой кинжал — простой формы, но с тёмным камнем вправленным у основания клинка, который слабо мерцал даже в дневном свете.

— Это что, — спросил Каэль, осторожно беря его в руки.

— Проводящий камень, — Дарен явно гордился работой. — Эвери мне нашептала что у тебя с контролем маны проблемы какие-то, а я не разбираюсь в магии сам, но мастер который учил меня кузнечному делу говорил что такие камни помогают тем у кого нестабильная мана. Облегчают проводимость. Не знаю точно как работает, если честно, но звучало подходяще под твой случай.

Каэль смотрел на кинжал, чувствуя лёгкое тепло идущее от камня.

— Дарен, я не могу просто—

— Можешь, — перебил тот. — Заказ всё равно никто не заберёт. Лучше пусть пригодится соседу который один раз уже спас мне спину со шкафом.

Эвери, наблюдавшая за этим с порога, подошла ближе, тоже разглядывая кинжал.

— Красивый, — сказала она. — И судя по тому как он мерцает — не пустышка.

— Спасибо, — сказал Каэль искренне. — Серьёзно.

— Не благодари, просто не зарежь им случайно соседа, — Дарен подмигнул и пошёл обратно к себе, явно довольный собой.

— Каэээээээль, — радостно завизжала Эвери.

— Что?

— У меня есть идея! Мы идем тренироваться, скорее пойдём на задний двор!

Чучело соорудили на заднем дворе — простая конструкция из соломы и старой одежды, привязанная к колу.

— Сначала стойка, — сказала Эвери, становясь рядом с ним. — Ноги на ширине плеч. Не напрягай колени.

— Я думал тут магия, а не борьба.

— Магия живёт в теле, Каэль, не в воздухе. Если стоишь криво — энергия идёт криво. — Она поправила его плечо, чуть надавив. — Вот так. Расслабь руки.

Он скорректировал позу, чувствуя себя неловко — будто позировал для картины которую сам не понимал.

— Теперь держи кинжал свободно, — продолжила она. — Не сжимай как будто он убежит. Камень должен чувствовать твою ману, а не твой страх.

— Звучит как нечто из медитативной книги.

— Это и есть медитативная книга, только я её придумываю по ходу, — Эвери усмехнулась. — Давай. Попробуй направить ману в клинок, как делал с дьяволитом. Только теперь — точно, через камень, не наружу волной.

Каэль закрыл глаза. Вспомнил то ощущение — тепло в груди, разломы откуда уходила энергия — и попытался направить её вперёд, через руку, в кинжал.

Камень мигнул слабо. И погас.

Он открыл глаза.

— Ну, — сказал он. — Это было что-то.

— Это было начало, — поправила Эвери. — Ещё раз.

Час спустя ничего особо не изменилось.

Камень иногда мерцал чуть ярче, иногда вовсе не реагировал, но разрез на чучеле — тот самый магический след который, по словам Эвери, должен был оставаться при правильном использовании — не появлялся ни разу. Просто обычный удар кинжалом, без всякого следа силы.

Каэль стоял, тяжело дыша, рука уже подрагивала от напряжения которое было скорее ментальным чем физическим.

— Опять, — сказала Эвери.

— Эвери.

— Что.

— Может это просто не работает, — сказал он, опуская кинжал. — Может разломы слишком большие. Может я не создан для точного контроля, только для случайных взрывов когда мне страшно до чёртиков.

Она посмотрела на него.

— Сядь, — сказала она. — Минуту.

Он сел прямо на траву, всё ещё держа кинжал в руке, разочарование тяжело оседало где-то в груди.

— Знаешь что я заметила, — сказала Эвери, садясь рядом. — Твой взрыв с гриварями — он случился не потому что ты был спокоен и сосредоточен. Он случился потому что ты был на грани, испуган, отчаян. Может дело не в том что ты не способен на контроль. Может ты просто пока пытаешься контролировать неправильную часть себя.

— Что это значит?

— Не знаю ещё, — честно призналась она. — Но сдаваться после часа тренировок — это не похоже на тебя.

Каэль посмотрел на кинжал в своей руке. Камень слабо мерцал, будто ждал.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Ещё раз.

Эвери улыбнулась, поднимаясь следом.

— Вот это другой разговор.

Он снова занял стойку — ноги на ширине плеч, расслабленные руки, кинжал свободно в ладони — и закрыл глаза, пытаясь нащупать тот самый разлом внутри откуда уходила сила.

Ничего не вышло и в этот раз. И ещё раз. И ещё.

Солнце начало клониться к закату, тренировочное чучело так и стояло невредимым, и Каэль чувствовал что усталость от неудач тяжелее любой физической усталости.

— Ещё одна попытка, — сказала Эвери тихо, видя его состояние. — На сегодня последняя. А завтра продолжим.

Он кивнул, поднял кинжал в последний раз, и сосредоточился — уже не на технике, а просто на чём-то внутри, на том самом ощущении тепла которое появлялось в моменты настоящей опасности.

Камень мигнул. Ярче чем раньше.

И погас.

Каэль выдохнул, опустил руку.

— Завтра, — повторила Эвери, кладя руку ему на плечо. — Получится.

УТРО

Эвери проснулась от того что её трясло — настойчиво, почти лихорадочно.

— Эвери. ЭВЕРИ. Просыпайся!

Она открыла глаза, спросонья почти готовая защищаться от непонятной угрозы, и увидела Каэля над собой — растрёпанного, с горящими глазами и улыбкой которой она не видела у него прежде.

— Что, что случилось —

— Получилось! — он уже тянул её за руку, не дожидаясь полного пробуждения. — Идём, идём скорее, пока я не передумал что мне это приснилось!

— Каэль, сейчас, наверное, рассвет —

— Идём!

Она вышла на задний двор всё ещё в ночной рубашке, накинув что-то сверху, шурясь от раннего света — и замерла.

Чучело стояло с глубоким разрезом наискось через всю солому — чистым, ровным, с лёгким следом фиолетового свечения по краям, которое медленно гасло.

— Когда, — выдохнула она. — Когда ты —

— Не спал, — признался Каэль, явно слишком возбуждённый чтобы стесняться этого. — Вышел около часа назад, просто хотел попробовать ещё раз, последний, и —

Он не договорил. Поднял кинжал, занял ту самую стойку которой она его учила — ноги на ширине плеч, расслабленные плечи, кинжал свободно в руке — и взмахнул.

Энергия вырвалась из клинка волной — не взрывом как с гриварями, не хаотичным выбросом, а чем-то контролируемым, текучим. Фиолетовое пламя, мерцающее белыми прожилками внутри, прорезало воздух и врезалось в чучело с глухим хлопком, оставляя ещё один разрез рядом с первым.

Тишина.

Эвери стояла, не в силах закрыть рот.

— Каэль, — сказала она наконец. — Это —

— Я знаю, — он смотрел на кинжал в своей руке с почти благоговейным восторгом. — Я ЗНАЮ.

— Это было невероятно красиво, — она наконец нашла слова, шагая ближе, разглядывая чучело, потом снова его. — Как ты это сделал? Что изменилось?

Каэль на секунду задумался, пытаясь поймать ускользающее воспоминание о том моменте.

— Я перестал пытаться контролировать, — сказал он медленно. — Просто — отпустил. Как ты говорила вчера, про неправильную часть себя. Я перестал думать о технике и просто... вспомнил то ощущение. Тепло. Опасность. Но в этот раз без страха. Просто — принял что оно есть, и пустил его куда нужно.

Эвери смотрела на него, и в её взгляде было что-то смешанное — гордость, облегчение, и что-то ещё более тёплое.

— Ты сделал это, — повторила она тихо.

— Мы сделали, — поправил он. — Ты меня всему учила.

— Я учила стойке. Это, — она кивнула на чучело, — это ты сам нашёл.

Они стояли посреди двора в раннем утреннем свете — она в наспех накинутаой одежде, он со светящимся ещё кинжалом в руке — и просто смотрели друг на друга, оба слишком воодушевлённые чтобы сразу найти следующие слова.

Где-то у Дарена скрипнула дверь — видимо, кузнец тоже встал рано, и теперь с любопытством выглядывал на шум доносившийся со двора соседей.

— Всё в порядке? — крикнул он, шурясь со сна.

— Более чем! — отозвался Каэль, не сдерживая широкой улыбки. — Извини за шум!

— Магия? — Дарен заметил остаточное свечение вокруг чучела, явно впечатлённый.

— Магия, — подтвердила Эвери с гордостью в голосе, будто это была её личная заслуга.

Дарен присвистнул уважительно, помахал рукой и скрылся обратно в дом — видимо, решив что для утра впечатлений достаточно и пора возвращаться к собственным делам.

Каэль опустил кинжал, наконец позволяя себе выдохнуть всё накопившееся напряжение последних дней. Камень на рукояти медленно затухал, но в нём оставалось что-то живое — еле заметная искра которой не было ещё вчера.

— Знаешь что это значит, — сказала Эвери, садясь на ступеньку крыльца.

— Что я могу контролировать магию?

— Это значит, — она похлопала рядом с собой, приглашая сесть, — что Дарен теперь точно не отпустит тебя без вопросов о том как работает его подарок.

Каэль засмеялся, садясь рядом, всё ещё чувствуя лёгкое покалывание в пальцах — отголосок только что выпущенной энергии.

— Переживу как-нибудь, — сказал он.

Солнце поднималось всё выше, заливая двор тёплым светом, и где-то в глубине разрезанного чучела ещё тлела последняя искра фиолетового пламени — маленькое доказательство того что что-то внутри него наконец начало работать так, как должно было.

Глава 7 - Нарастающая паранойя

День выдался на редкость спокойным. Никаких поручений, никаких тренировок, никаких срочных дел — редкая роскошь, к которой Каэль ещё не успел привыкнуть.

После обеда Эвери предложила прогуляться, и он согласился почти сразу. Возражать не хотелось.

Они неспешно шли по центральной улице. От пекарни тянуло тёплым запахом корицы и свежего теста, заставляя прохожих невольно замедлять шаг. У лавки тканей, как и всегда, сидела хозяйка — сухонькая женщина с цепким взглядом, которая что-то вполголоса комментировала о каждом проходящем мимо человеке. В небольшом сквере старики склонились над местной настольной игрой с таким сосредоточенным видом, будто от исхода партии зависела судьба всего города.

— Туда, — сказала Эвери, сворачивая в сторону набережной.

Река встретила их ровным плеском воды. Здесь она была совсем не такой, как у леса: широкая, спокойная, неторопливая. Вдоль берега тянулись деревянные мостки, у свай покачивались привязанные лодки. Рыбаки сидели с удочками, терпеливо всматриваясь в воду. Чуть дальше кто-то развешивал сети. Дети с азартом бросали камушки и спорили, чей отскочит больше раз.

Каэль задержал взгляд на реке и невольно улыбнулся.

— Красиво.

— Здесь всегда так, — ответила Эвери.

Она шла по самому краю мостков, слегка раскинув руки для равновесия, словно делала это сотни раз.

— Летом ещё лучше. Вся набережная светится фонарями, по реке плавают лодки с музыкантами

— Звучит как место, куда я хочу попасть.

Эвери покосилась на него через плечо.

— Значит, доживи до лета.

Он тихо усмехнулся.

Они дошли до конца набережной и поднялись по каменным ступеням вверх. Здесь город словно менялся. Шум оставался где-то позади. Узкая улица была почти жилой: маленькие дома стояли вплотную друг к другу, на подоконниках цвели яркие цветы, а открытые окна пропускали наружу запахи ужина и приглушённые голоса.

Каэль огляделся.

— Ты знаешь все эти улицы?

— Большинство.

Эвери пожала плечами так, будто в этом не было ничего особенного.

— Я здесь выросла.

Она кивнула на узкий проход между домами.

— Этот переулок мы с подругой в детстве называли Кошачьим. Там постоянно сидело штук двадцать котов.

— А сейчас?

Эвери заглянула внутрь, прищурилась, будто проводила серьёзную проверку.

Несколько секунд спустя вынесла вердикт:

— Три.

— Всего три?

— Угу. Популярность упала.

К вечеру они оказались в небольшом заведении в нижней части города.

Это была не совсем таверна. Скорее бар — именно такой, каким Каэль привык его представлять. Длинная стойка, несколько деревянных столов, мягкий приглушённый свет. В углу сидел музыкант и неторопливо перебирал струны инструмента, напоминавшего лютню. Мелодия лилась негромко, почти растворяясь в общем шуме.

— Здесь хорошо, — сказала Эвери, устраиваясь за столиком у окна. — Тихо.

— И никаких заданий на доске.

— Именно.

Они заказали что-то местное.

Каэль уже успел привыкнуть к здешнему пиву. Поначалу оно казалось слишком тёмным и неожиданно сладким, но со временем вкус стал даже нравиться. Эвери выбрала травяной напиток с лёгким дымным ароматом.

Разговор потёк сам собой.

Без спешки. Без цели.

Эвери рассказывала про своё первое задание от гильдии — сопровождение торгового каравана.

— Было скучно до зевоты, — призналась она. — Но заплатили хорошо.

Каэль в ответ вспомнил один вечер из своей прошлой жизни.

— Мы с друзьями застряли в лифте на сорок минут.

— В чём?

— В лифте. Это такая маленькая комната, которая ездит вверх и вниз внутри здания.

Эвери нахмурилась, пытаясь представить.

— Зачем?

— Чтобы не подниматься по лестнице.

Она ещё немного помолчала.

— То есть вы добровольно залезли в маленькую движущуюся комнату

— Да.

— и потом застряли в ней.

— На сорок минут.

— И никто не сошёл с ума?

Каэль сделал серьёзное лицо.

— У нас были спички.

— Спички?

— Мы играли в карты на спички.

Несколько секунд Эвери просто смотрела на него.

А потом рассмеялась.

Тихо, искренне, не пытаясь сдержаться.

На её лице появилось то самое выражение, которое возникало всякий раз, когда рассказы Каэля о прежнем мире звучали одновременно нелепо, странно и почему-то удивительно трогательно.

В углу музыкант сменил мелодию на более живую. За соседним столом кто-то начал подпевать.

Вечер продолжал течь своим чередом — неторопливо, тепло и спокойно. К ночи они вышли прогуляться еще раз,

Ночью площадь выглядела совсем иначе.

Днём здесь шумел рынок, перекикивались торговцы, спешили сотни людей. Теперь всё стихло.

Лишь редкие прохожие пересекали площадь, а фонтан в центре мерцал голубоватым светом, отражая луну. Вода журчала ровно и размеренно, наполняя пространство уютной ночной тишиной.

Эвери остановилась у бортика.
— Сюда загадывают желания.
Каэль поднял бровь.
— Серьёзно?
— Местная традиция.
Она достала из кармана небольшую монету и покрутила её между пальцами.
— Бросаешь в воду и загадываешь желание про себя. Наверное, глупость. Но все так делают.
— Ты тоже?
— Иногда.
Монета сверкнула в лунном свете и исчезла под водой.
— Уже давно не загадываю ничего конкретного. Обычно что-нибудь вроде: «Пусть всё будет хорошо».
Каэль смотрел, как по поверхности расходятся круги.
Медленно.
Пока совсем не исчезают.
— А сейчас что загадала?
Эвери лукаво улыбнулась.
— Не скажу. Не сбудется.
Она протянула ему ещё одну монету.
— Держи. Теперь твоя очередь.
Каэль взял её и задумчиво повертел в пальцах.
Не для вида.
По-настоящему.
Совсем недавно ответ был бы очевиден. Вернуться домой.
Без раздумий.
Без сомнений.
Но сейчас
Сейчас всё оказалось гораздо сложнее.
Он бросил монету в воду.
Молча.
— Что загадал? — тут же спросила Эвери.
— Не скажу. Не сбудется.
Она ткнула его локтем в бок.
Каэль улыбнулся.
Некоторое время они просто стояли рядом, плечом к плечу.
Разговор постепенно затих сам собой. Не потому что закончились темы. Просто наступил тот редкий момент, когда молчание не требовало заполнения словами.
Именно тогда Каэль заметил его.
Краем глаза.
У входа в переулок напротив стояла фигура.
Бесформенное тёмное тряпье почти сливалось с ночными тенями. Человек не двигался.
Совсем. Слишком неподвижный для случайного прохожего.
Каэль слегка скосил взгляд.
В тот же миг фигура отвела глаза.
Чуть раньше, чем это выглядело бы естественно.
Чуть слишком поспешно.
— Что? — спросила Эвери, заметив, как он напрягся.
— Ничего.

Он заставил себя снова посмотреть на фонтан.

— Показалось.

Прошло несколько секунд.

Каэль снова взглянул в сторону переулка — осторожно, не поворачивая головы.

Фигура всё ещё стояла там.

В той же позе.

Слегка отвернувшись.

Но не уходя.

Паранойя.

Просто кто-то стоит на площади.

Город большой.

Люди гуляют по ночам.

— Идём? — спросила Эвери, уже разворачиваясь.

— Идём.

Они направились домой.

Через несколько шагов Каэль всё-таки обернулся ещё раз. Небрежно. Так, словно просто решил ещё раз взглянуть на фонтан.

Переулок был пуст.

Фигура исчезла.

«Показалось», — окончательно решил он.

И пошёл дальше рядом с Эвери по ночной мостовой, слушая её рассказ про какого-то кота, замеченного возле лавки со специями.

Почти убедив себя, что всё именно так и было.

Почти.

Утром следующего дня всё началось с шерсти. Каэль обнаружил её на подоконнике совершенно случайно.

Три длинных волоска лежали возле рамы, серебристо-серые, с белыми кончиками, заметными в утреннем свете. Он нахмурился, поднял один из них двумя пальцами и поднёс к окну. Слишком длинный для кошки. Слишком плотный для обычного животного. Несколько секунд он просто смотрел на находку, а потом заставил себя положить её обратно. Ничего особенного. Наверняка Бочка снова где-то лазал. Соседский кот выглядел достаточно наглым и уверенным в себе, чтобы считать чужие окна своей законной территорией.

Только вот Бочка был рыжим.

На следующий день стало сложнее отмахнуться. На покрытом тонким слоем пыли кухонном подоконнике остался след. Не отпечаток руки. И не лапа обычного зверя. Что-то крупнее. Вес распределялся на мягкие подушечки, а по краям виднелись тонкие царапины от когтей. Каэль долго смотрел на него. Потом закрыл окно. Постоял немного.

Снова открыл — в доме было душно.

Через минуту закрыл ещё раз.

Эвери, наблюдавшая за этой борьбой с самим собой, наконец не выдержала:

— Ты нормально?

— Отлично, — ответил он слишком быстро. — Просто сквозняк.

Она посмотрела на неподвижный воздух за окном, потом на него, но ничего не сказала.

Ночью его разбудил звук.

Настолько тихий, что сначала Каэль даже не понял, действительно ли что-то услышал.

Он открыл глаза и замер.

Где-то над крышей что-то едва слышно шуршало. Один осторожный звук. Потом ещё один.

Будто кто-то двигался по черепице медленно, уверенно и настолько привычно, словно делал это всю жизнь.

Каэль лежал неподвижно.

Слушал.

Сердце почему-то билось чуть быстрее обычного.

Тишина.

Он уже почти убедил себя, что показалось.

И тогда снова.

Один шаг.

Второй.

А затем — ничего.

Словно неизвестный остановился прямо над его комнатой.

До самого рассвета Каэль так и не уснул.

Он лежал с кинжалом под подушкой и раз за разом повторял себе, что это кошки.

Обычные кошки.

Кошки постоянно ходят по крышам.

В этом нет абсолютно ничего странного.

Утром его ждал новый подарок.

На крыльце лежал целый пучок шерсти.

Не несколько волосков.

Не случайная находка.

Словно кто-то задел плечом дверной косяк, проходя мимо.

Серая шерсть с белыми пятнами.

Густая.

Плотная.

Настоящая.

Каэль присел на корточки и осторожно поднял её.

И только тогда заметил запах.

Очень слабый.

Почти неуловимый.

Не неприятный.

Просто чужой.

Что-то хищное скрывалось в нём. Сдержанное. Настороженное.

Запах напоминал ощущение чужого взгляда в спину.

Будто кто-то долго стоял здесь, молча наблюдая за дверью, прежде чем уйти.

Каэль медленно поднял голову.

Улица была пуста.

Ничего.

Никого.

Только утренний город начинал просыпаться.

Он сжал шерсть в ладони и вернулся в дом.

— Слушай, — произнёс он за завтраком как бы между прочим. — А здесь вообще есть зверюльки?

Эвери подняла взгляд от кружки.

На губах появилась лёгкая усмешка.

— Ну да. А что?

— Просто интересно. Их много?

— Смотря где.

Она пожала плечами.

— В городе встречаются редко. Обычно одиночки. Торговцы, наёмники кто угодно. А вот в Сером Подоле — там их полно.

— Серый Подол?

— Нижний квартал у западной стены.

Она сделала глоток чая.

— Без причины туда стараются не ходить. Большинство местных зверолодей так или иначе связаны с криминалом. Контрабанда, наёмные дела, шпионаж

Эвери чуть помедлила.

— Не все, конечно. Но репутация у района именно такая.

— Понятно.

Каэль задумчиво кивнул.

— А они ну разные бывают?

Теперь Эвери смотрела на него уже внимательнее.

С лёгким подозрением.

— Каэль.

— Что?

— Почему ты спрашиваешь про зверолодей в семь утра за завтраком?

— Любопытство.

— У тебя сейчас лицо человека, у которого не любопытство.

Он вздохнул.

Несколько секунд колебался.

Потом достал из кармана пучок шерсти и положил на стол.

Между ними.

Эвери перевела взгляд на находку.

Потом на него.

Снова на шерсть.

Улыбка исчезла.

— Где нашёл?

— На крыльце. До этого на подоконнике. А ещё раньше на кухонном окне вместе со следами.

— Каэль

Теперь её голос звучал совсем иначе.

Серьёзно.

— Это точно не твоя паранойя?

— Нет.

Он помолчал.

— Ну ладно, может, частично да. Но шерсть-то настоящая. Вот она. Её невозможно придумать.

Эвери осторожно взяла один волосок и поднесла к свету.

Серебристо-серый.

С белым кончиком.

Она нахмурилась.

— Лунный барс.

— Что?

— Или кто-то очень похожий. Такая окраска встречается редко даже среди зверолодей.

Каэль почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет.

Эвери положила волосок обратно.

— Но знаю другое.

— Что именно?

— Такие работают дорого.

Она встретила с ним взглядом.

— И обычно работают на кого-то конкретного.

Повисла тишина.

За окном шумел просыпающийся город. Скрипели телеги, переговаривались прохожие, открывались лавки.

Обычное утро.

Обычный день.

И только они двое знали, что где-то среди этих улиц кто-то уже несколько ночей подряд наблюдает за одним конкретным домом.

— Может, совпадение, — сказал Каэль.

— Может.

Эвери кивнула.

Но по её лицу было видно: сама она в это не верит.

Как и он.

СЕРЫЙ ПОДОЛ. НОЧЬ

Здесь крыши выглядели иначе.

Старые, покатые, почти соприкасающиеся друг с другом.

Узкие промежутки между домами больше напоминали трещины, чем настоящие улицы.

Те, кто не умел прыгать, здесь не ходили.

Те, кто умел, чувствовали себя как дома.

Сеар сидел на краю крыши и смотрел вдаль.

За несколько кварталов отсюда находился нужный дом.

Его жёлтые глаза оставались неподвижными.

Не мигали.

Длинный хвост медленно скользил по черепице из стороны в сторону — единственный признак жизни в неподвижном силуэте.

В руке он держал маленький клочок бумаги.

Сеар развернул его.

На бумаге было написано имя.

Он прочитал его ещё раз.

Спокойно.

Без эмоций.

Затем аккуратно сложил листок и убрал обратно.

Поднялся одним плавным движением.

Без шума.

Без лишних усилий.

Будто вес его тела вовсе ничего не значил.

Через мгновение тёмная фигура уже скользнула между крышами.

И растворилась в ночи.

Глава 8 - Сеар зверолод

СЕАР

Сеар появился на свет в Сером Подоле.

Без красивой истории. Без семьи, которая могла бы потом рассказывать, каким он был в детстве. Просто однажды оказался там — маленький, голодный и никому не нужный. Даже имени у него поначалу не было. Позже он выбрал его сам, когда понял, что жить без имени неудобно.

Серый Подол не воспитывал и не учил. Он просто существовал по своим правилам. Слабых здесь не жалели, сильных не награждали. Люди и зверолоды выживали как могли, а если не могли — исчезали.

Те, кто оставался, постепенно становились частью этого места.

Сеар стал тихим.

Очень тихим.

Ещё ребёнком он научился двигаться так, чтобы его не замечали. Сначала это был способ избежать лишних неприятностей. Потом — полезный навык. А затем и вовсе превратился в ремесло, которым он зарабатывал на жизнь.

Первое задание он получил в четырнадцать лет.

Нужно было всего лишь подслушать разговор в таверне и передать услышанное нужным людям.

Работа оказалась скучной и простой. Заплатили немного.

Но заплатили.

В тот момент это было единственным, что имело значение.

Потом задания становились сложнее.

И опаснее.

Зато и цена росла вместе с ними.

К двадцати годам имя Сеара уже знали в нескольких криминальных кругах. Не как легенду и не как страшилку для новичков.

Просто как надёжного человека.

Того, кто берётся за работу и доводит её до конца.

Того, кому можно доверить то, о чём не стоит говорить вслух.

Он успел поработать в трёх королевствах. Дважды менял личность настолько тщательно, что даже старые знакомые не узнали бы его при встрече. Однажды провёл полгода при вражеском дворе под видом обычного слуги, собирая сведения, которые позже изменили расстановку сил во всём регионе.

Шрамы он получал редко.

Его главным талантом было не умение драться.

Его главным талантом было не попадаться.

Но те немногие отметины, которые всё же остались, он носил спокойно.

Длинный шрам тянулся вдоль левого предплечья, почти полностью скрытый под серебристой шерстью. Напоминание о ножевом ударе в тёмном переулке.

Другой остался у основания шеи — короткий, бледный. Арбалетный болт тогда прошёл всего в нескольких сантиметрах от чего-то жизненно важного.

Приёмный отец появился в его жизни, когда Сеару исполнилось семнадцать.

Старый зверолод той же барсовой породы, почти полностью поседевший от возраста, держал небольшую мастерскую в Сером Подоле.

Он никогда не задавал лишних вопросов.

Никогда не лез в чужие дела.

И никогда не пытался воспитывать Сеара.
Иногда просто оставлял для него еду.
Иногда молча садился рядом после тяжёлого дня.
Иногда говорил что-нибудь короткое и простое.
Те самые слова, смысл которых понимаешь только спустя годы.
Умер он так же тихо, как жил.
Во сне.
Сеар нашёл его утром.
Без прощаний.
Без последних наставлений.
На столе лежала старая куртка.
Тёмная.
Потёртая.
С широким воротником.
Никакой записки рядом не было.
Только куртка.
С тех пор Сеар носил её постоянно.
За годы ткань выцвела, воротник обтрепался, один карман держался буквально на нескольких нитках. Цвет давно превратился в неопределённую смесь серого и коричневого.
Ему это нравилось.
Такую одежду не запоминают.
В такой одежде исчезают среди толпы.
Он вообще старался не выделяться.
Никаких украшений.
Никаких приметных вещей.
Ничего лишнего.
Только он сам.
А серебристо-серая шкура с белыми пятнами и без того привлекала достаточно внимания.

Дополнять её чем-то ещё не было смысла.

КРЫШИ

Ночь выдалась тёплой и неподвижной.
Ветер не тревожил черепицу, и город словно замер под лунным светом.
Сеар двигался по крышам легко, как другие ходят по улицам.
Без напряжения.
Без суеты.
Каждый шаг был естественным. Каждый прыжок через узкие промежутки между домами совершался без раздумий, словно тело заранее знало нужную траекторию.
Серый Подол остался позади.
Затем промелькнул торговый квартал.
Потом центральные жилые улицы.
Расстояние его не интересовало.
Он просто двигался вперёд.
Нужный дом Сеар обнаружил ещё раньше.
Сегодня он пришёл не следить.
Сегодня он хотел проверить первое впечатление.
А первое впечатление ему не понравилось.
Сеар не любил, когда работа вызывала вопросы.
Он остановился на крыше напротив.

Медленно лёг на черепицу.
Успокоил дыхание.
Замер.
Дом стоял тёмный.
Жители спали.
Всё выглядело совершенно обычным.
Так и должно было быть.
Но запах
Сеар втянул воздух ещё раз.
Медленно.
Внимательно.
На случай, если ошибся.
Не ошибся.
Страх он различал безошибочно.
Каждое живое существо пахло страхом по-своему.
Этот запах принадлежал человеку.
Острый.
Горьковатый.
С лёгкой металлической нотой.
Но самое неприятное было не в этом.
Так пахал не тот, кто боится прямо сейчас.
Так пахнет тот, кто живёт со страхом слишком долго.
Настолько долго, что перестаёт его замечать.
Словно носит внутри постоянно.
Сеар прищурился.
Под этим запахом скрывалось что-то ещё.
Что-то гораздо сильнее.
Он задержал дыхание, пытаясь разобрать оттенки.
И тогда понял.
Смерть.
Не болезнь.
Не кровь.
Не привычный запах человека, стоящего на пороге конца.
Нет.
Это было совсем другое.
Слишком много.
Слишком густо.
Слишком неправильно.
На мгновение у Сеара по спине пробежал холодок.
Такого он не встречал никогда.
Запах напоминал след множества смертей, наложенных друг на друга.
Словно один и тот же человек умирал снова и снова.
Десятки раз.
Сотни.
И каждая смерть оставляла отпечаток, который не исчезал.
Не выветривался.
Не растворялся.
Они наслаивались друг на друга, превращаясь в нечто настолько плотное и чужеродное,
что у Сеара на миг потемнело в глазах.

Он резко вцепился когтями в черепицу.
Шерсть на зашивке поднялась сама собой.
Равновесие удалось удержать.
Сеар медленно выдохнул.
Потом ещё раз.
Заставляя себя успокоиться.
Несколько секунд он просто смотрел на дом.
Затем достал из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги.
Тот самый.
Полученный три дня назад вместе с авансом.
Он развернул его.
Лунного света хватало, чтобы читать.
Имя было знакомо.
Он уже несколько раз сверял его за последние дни.
Но сейчас взгляд остановился не на имени.
Ниже была короткая пометка.
Всего один вопросительный знак.
И два слова, написанные так, словно сам заказчик до конца не верил в написанное.

Каэль. Глашатай смерти?

Сеар ещё несколько секунд смотрел на строчку.
Потом аккуратно сложил бумагу.
И убрал обратно.
Дом оставался тёмным и безмолвным.
Сеар продолжал наблюдать.
Он выполнял сложные заказы.
Выполнял странные заказы.
Но это
Это было чем-то новым.
Чем-то, чего он пока не понимал.
А работать вслепую он не любил.
Наконец Сеар поднялся.
Бросил последний взгляд на дом.
Развернулся.
И растворился в темноте крыш.
До рассвета ему предстояло кое-что проверить.
Сеар вошёл через окно кухни.

Не взламывал — просто надавил в нужном месте, и засов поддался с едва слышным щелчком который утонул в ночном шуме улицы. Он замер на подоконнике, прислушался. Дом дышал сном — ровно, медленно, два человека, оба глубоко.

Спустился на пол. Куртка не шуршала — он давно научился двигаться так чтобы ткань не выдавала. Каждый шаг — сначала носок, потом пятка, вес распределяется плавно, ни одна доска не скрипит если знаешь где наступать.

Он знал.

Комната Каэля была первой от лестницы.

Сеар остановился в дверях, дал глазам привыкнуть к темноте — хотя им почти не нужно было привыкать, жёлтые глаза видели и в куда более глубоком мраке. Мужчина спал на спине, одна рука свесилась с кровати, дыхание ровное. Кинжал лежал на прикроватной тумбе — заметил сразу, учёл.

Сделал три шага вперёд. Остановился над ним.

И запах ударил снова — тот самый, от которого прошлой ночью едва не скатился с крыши. Сейчас, в закрытом пространстве, он был гуще, плотнее, почти осязаемым. Сеар дышал через рот, но это мало помогало — запах смерти такого рода проникал глубже чем просто через нос.

Какая же вонь, — подумал он, глядя на спящего. — Этот запах убийственный.

Он не знал как это возможно. Но нюх не врал никогда.

Убедившись, он действовал быстро — именно так как и планировал. Один коготь, точное движение, едва касание. Разрез прошёл по правой брови и уголку глаза — тонкий, хирургически аккуратный, такой что кожа ещё не успела понять что рассечена. Кровь проступит через несколько секунд, когда его уже не будет.

Каэль не проснулся.

Сеар развернулся и вышел так же тихо как вошёл.

Место для встреч наниматель выбирал с характером — каменные стены, голый пол, эхо от каждого шага. Три свечи на выступе создавали больше теней чем света, и именно это, судя по всему, и нравилось хозяину комнаты.

Сеар вошёл без стука. Остановился у стены, скрестил руки.

— Вы были правы, — сказал он. Голос у него был тихим, привычно ровным — без интонаций которые могли бы что-то выдать. — Запах исходит от него. Я проверил лично. Вплотную.

Фигура у стола — размытая в полутьме, только бокал с вином поблёскивал в свете свечи — слегка повернулась.

— Уверен?

— Я не говорю того в чём не уверен.

Пауза. Звук вина, плеснувшего о стекло.

— Хорошо, — сказал наниматель. — Тогда оплата.

Мешочек лёг на стол — Сеар не двинулся с места, просто кивнул, давая понять что подберёт позже. Он не любил тянуться за деньгами на виду. Старая привычка.

Но когда он уже повернулся к выходу — голос за спиной остановил его.

— Подожди.

Сеар остановился. Не обернулся сразу — дал секунду, потом повернул голову.

Наниматель стоял теперь чуть ближе к свету, и Сеар мог разглядеть краешек улыбки — ту самую, которая не добавляла теплоты лицу, а скорее убирала последние её остатки.

— Знаешь... — он покрутил бокал в руке, глядя как вино медленно кружится внутри. — Каких-то пару десятков лет назад я помню был человек. С очень похожим запахом.

Сеар молчал. Слушал.

— Мы повздорили, — наниматель произнёс это с лёгкостью, как говорят о давней мелочи которая на самом деле мелочью не была. — Я в то время был, скажем так, вспыльчив. Решил зарубить. — Небольшая пауза, глоток вина. — Он парировал каждый мой удар. Уклонялся от каждого навыка. Словно знал заранее. Словно уже видел всё это раньше.

Пламя свечи качнулось без видимой причины.

— С тех пор мы не виделись, — продолжил наниматель, и в его голосе что-то изменилось — не злость, что-то более холодное чем злость. — Но сдаётся мне... — он повернулся к Сеару полностью, и жёлтые глаза шпиона встретили взгляд который не отражал свет свечей так как должен был. — Возможно это его сынишка. Интересное совпадение, не правда ли?

Ехидная улыбка растянулась чуть шире.

— Стоит проверить. Не думаешь?

Сеар смотрел на него ровно секунду дольше чем обычно.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что это ваше дело, а не моё. Я сделал то за что получил оплату.

— Разумеется, — согласился наниматель с тоном человека которому разумность собеседника в данный момент совершенно неважна. — Разумеется.

Сеар взял мешочек со стола и вышел.

В коридоре, уже за дверью, он остановился на секунду.

Оглянулся на закрытую дверь.

Человек с похожим запахом, двадцать лет назад. Который знал каждый его удар заранее.

Сеар не любил совпадений. Он вообще не верил в совпадения — слишком долго работал в местах где случайностей не бывает.

Он убрал мешочек во внутренний карман куртки — туда где ткань ещё хранила едва уловимый запах старого зверюда который однажды просто оставил на столе куртку и больше не проснулся.

И пошёл прочь, растворяясь в темноте коридора.

Дверь закрылась за Сеаром — и тишина вернулась.

Он не торопился её нарушать.

Просто стоял, держал бокал, смотрел на свечи. Три огня, три тени на стене — длинные, дёрганые, живущие своей жизнью. Вино в бокале было хорошим. Он всегда пил хорошее вино когда дела шли интересно.

А дела шли очень интересно.

Каэль.

Он произнёс имя про себя — просто попробовал на вкус. Потом вслух, тихо, в пустую комнату:

— Каэль.

Эхо отозвалось со всех стен сразу — *Каэль, аэль, эль* — и это ему понравилось. Он улыбнулся. Сделал глоток.

— Каэль, Каэль, Каэль...

Смех пришёл сам — сначала тихий, почти беззвучный, просто движение плеч. Потом громче. Потом совсем громко, и эхо множило его, возвращало обратно изменённым, и он смеялся над собственным смехом, и это было ещё смешнее —

— Ахахаха-ахахаха-ха-ахахах-аха-АХАХАХАХА-ха-ха-АХАХАхАХАХА-хАх-АХАХЫВХАХЫХХА-хАХАХАХА-ха-аха-АХАХ —

Бокал качнулся в руке, вино едва не выплеснулось. Он поймал его — рефлекторно, не прерывая смех — и это почему-то было совсем уж невыносимо смешно.

— АХАХАХ-аха-аха-ха-ха...

Потом так же резко оборвал.

Тишина навалилась как вода.

Он выровнял дыхание. Вытер уголок глаза — не слезу, просто рефлекс. Смотрел на огонь свечи с выражением человека который только что услышал очень хорошую новость и теперь неторопливо обдумывает как ею воспользоваться.

— Что ж, — сказал он мягко, почти нежно, обращаясь к никому. — Видимо ты теперь новый Глашатай Смерти, Каэль.

Снова смех — короче на этот раз, острее:

— АхахАХАХ-ха-аха-АХ-хаха...

Оборвал снова. Провёл пальцем по краю бокала.

— Интересно... — он говорил медленно, растягивая слова как растягивают удовольствие от хорошего вина. — Когда же твой разум даст слабину?

Пауза.

— Не думаю что Ворн это одобрит.

Три свечи горели. Одна мигнула — будто кто-то прошёл мимо, хотя никто не проходил. Тень на стене качнулась, вытянулась, стала похожа на что-то с руками.

Он не обратил внимания. Или сделал вид что не обратил.

Откуда он мог знать?

Это был вопрос который повис в каменной комнате вместе с дымом трёх свечей и эхом смеха уже успевшего раствориться в стенах.

Закон свидетеля действовал абсолютно — Каэль знал это лучше кого угодно. Тессилиус стёрся из реальности не оставив следа. Эвери не помнит его имени. Фотографии пустые, бумаги чистые.

Но этот человек знал.

Знал имя. Знал запах. Знал про Глашатая Смерти — термин которого Каэль ещё не слышал в применении к себе, который нигде не был произнесён вслух, который существовал только в голове существа запечатанного глубоко внутри одного единственного сознания.

Откуда?

Может закон свидетеля имел исключения о которых Каэль не знал. Может этот человек был не совсем человеком. Может пара десятков лет назад — тот мужчина с похожим запахом, которого он пытался зарубить и не смог — был не единственным с кем он сталкивался.

А может всё было проще и страшнее одновременно: кто-то наблюдал за циклами давно. С самого начала. И терпеливо ждал пока Каэль наберёт достаточно смертей чтобы стать интересным.

Каэль думал что его главная проблема — гильдия Весов.

Каэль думал что его главная проблема — расцепляющаяся душа.

Каэль думал что его главная проблема — как вернуться домой, или помочь Эвери, или просто пережить следующий день.

Ему придётся разбираться с куда большим количеством проблем чем он думал.

И ни об одной из них он пока не подозревал.

Глава 9 - Глашатай смерти Ворн

ГЛАШАТАЙ СМЕРТИ

Титул появился раньше чем появилось понимание того что именно он обозначает.

Первые письменные упоминания — в хрониках трёх континентов, датированные сотнями лет назад, разными авторами, никогда не читавшими друг друга. Все трое описывали одно и то же: человек от которого пахнет смертью. Не метафорически. Буквально — запах, который чувствовали люди с достаточно тонким восприятием маны, запах который нельзя было перепутать ни с чем другим.

Природа его была проста и жестока одновременно.

Глашатай Смерти — это тот кто убивал много. Не просто много — достаточно много чтобы сам процесс начал оставлять след. При каждом убийстве маг способен поглотить часть маны противника — крохотную, почти незаметную, но при достаточном количестве убийств это становится ощутимой силой. Тело восстанавливается быстрее, резервы восполняются.

Но у каждого поглощения есть побочный эффект.

Мана не вся уходит внутрь. Мельчайшие частицы — не капли, пыль, взвесь — остаются в воздухе вокруг человека. Накапливаются. Смешиваются с остатками предыдущих убийств, с сотнями и тысячами чужих жизней осевших невидимым слоем. При достаточном количестве эта взвесь начинает пахнуть.

Не кровью. Не разложением.

Именно смертью — тем специфическим, ни на что не похожим, от которого у чувствительных существ темнеет в глазах и подкашиваются ноги.

Глашатаев боялись. Их сторонились. Некоторых уничтожали превентивно — просто за запах, без других причин. История знала дюжину подтверждённых случаев и ещё столько же легендарных.

В случае Каэля всё было иначе.

Он не убивал сотни людей. Он не поглощал чужую ману. Запах исходил не от его действий.

Запах исходил от неё.

ГЛАШАТАЙ СМЕРТИ

Титул появился задолго до того, как люди начали понимать, что именно он означает.

Первые письменные упоминания встречались в хрониках сразу трёх континентов. Их разделяли сотни лет, разные языки и авторы, которые никогда не слышали друг о друге. И всё же все трое описывали одно и то же.

Человека, от которого пахнет смертью.

Не в переносном смысле. Не как красивую метафору для поэтов и жрецов.

Буквально.

Запах, который могли уловить люди с достаточно тонким восприятием маны. Запах, который невозможно было спутать ни с чем другим хотя бы раз почувствовав.

Природа его была простой и одновременно жестокой.

Глашатай Смерти — тот, кто убивал много. Не просто много. Достаточно много, чтобы сам процесс начал оставлять след.

При каждом убийстве маг мог поглотить часть маны противника. Крохотную. Почти незаметную. Обычно этого никто даже не замечал. Но сотни и тысячи таких крупиц постепенно превращались в ощутимую силу. Тело восстанавливалось быстрее. Резервы восполнялись легче. Раны затягивались раньше положенного срока.

Но у каждого поглощения была цена.

Не вся мана уходила внутрь.

Мельчайшие частицы — даже не капли, а едва различимая взвесь — оставались вокруг человека. Оседали в воздухе. Накапливались. Смешивались с остатками предыдущих убийств, с отпечатками сотен и тысяч чужих жизней, образуя невидимый слой, который невозможно было увидеть глазами.

Со временем эта взвесь начинала пахнуть.

Не кровью.

Не разложением.

Именно смертью.

Тем особенным запахом, который нельзя описать словами и невозможно забыть. От него у чувствительных существ темнело в глазах, по позвоночнику пробегал холод, а ноги внезапно переставали слушаться.

Глашатаев боялись.

Их избегали.

Некоторых уничтожали заранее — просто из-за запаха, не дожидаясь других причин.

История сохранила дюжину подтверждённых случаев и ещё столько же легенд, которые вполне могли оказаться правдой.

Но случай Каэля отличался от всех остальных.

Он не убивал сотни людей. Не поглощал чужую ману. И запах исходил не от его действий. Запах исходил от неё.

ВОРН

Её настоящее имя знали немногие.

А большинство из тех, кто когда-то его знал, давно перестали существовать — в том или ином смысле этого слова. Ворн. При жизни — воительница. Не из тех, кого любят воспевать баллады. Без плаща, развевающегося на ветру. Без трагической истории детства. Без красивых речей перед битвой. Просто человек, который умел сражаться лучше всех, кого когда-либо встречал. А встречала она очень многих. На четырёх континентах. В местах, где само существование считалось временной привилегией.

Она в одиночку отражала нападения демонических отродий с Проклятых островов. Не потому что рядом не было союзников.

Потому что союзники мешали. Слишком медленные. Слишком непредсказуемые. Слишком живые. Без них она работала точнее. Верховного демона Вайрелла, Спящего Пепла, она запечатала после битвы, продолжительность которой позже стала предметом споров среди летописцев.

Одни писали о нескольких днях. Другие утверждали, что прошли недели.

Сама Ворн никогда не считала. После победы она вознеслась.

ВОЗНЕСЕНИЕ — Это слово часто понимали неправильно. Вознесение не было наградой. Не было ритуалом.

Не было подарком богов, которых в этом мире, если говорить строго, вообще не существовало в привычном понимании. Это был выбор. Последний. И необратимый. Человек собирал всю свою ману — без остатка, до последней искры — в точке возле сердца. Удерживал её. А затем отпускал. Дальнейшее зависело только от него самого. Не от добродетелей. Не от моральных принципов. Мир был слишком сложным местом, чтобы награждать хороших и наказывать плохих. Значение имело лишь одно. Был ли человек верен самому себе. Пьяница, который всю жизнь пил и никогда не пытался убедить себя в обратном, мог вознестись. Убийца, который убивал по убеждению, а не из страха, мог вознестись. Торговец, обманывавший каждого встречного, но честно признававший собственную природу, тоже мог вознестись. Тот же, кто лгал самому себе, не мог. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. После вознесения человек становился сущностью. Форма новой силы определялась жизнью, которую он прожил. Тем, через что ему пришлось пройти. И чем больше страданий выпадало на его долю, тем менее

предсказуемым становился результат. Кто-то становился творцом внутренних миров. Кто-то усиливал таланты других.

Кто-то оседал в одном городе и превращался в его безмолвного покровителя — духа, которому молились не из страха, а просто потому что привыкли.

Ворн вознеслась иначе.

Почему именно так — никто не знал до сих пор.

Даже она сама.

Возможно, дело было в масштабе пережитого.

Возможно, в природе финальной битвы.

А возможно, в том, что после запечатывания существа вселенского порядка часть его силы осталась внутри неё против её воли.

Так или иначе, она стала сущностью без территориальных ограничений.

Без привязки к месту. Способной действовать в масштабах, которые большинство вознёсшихся даже представить себе не могли. Единственным ограничителем оставался сосуд.

Существование без тела оказалось совсем не тем, чем представлялось со стороны. Ворн проверила это лично. И очень долго. Пространство между материальным существованием и полным растворением было местом без времени, без событий и без смысла. Пустотой. И даже она, пережившая бесчисленное количество битв и испытаний, быстро поняла одну вещь. Для вечного созерцания она создана не была. Ей нужна была жизнь. Настоящая. С запахами. С болью. С ошибками. С решениями, последствия которых невозможно отменить. Поэтому она начала призывать сосуды. Людей из других миров. Тех, чья духовная энергия была достаточно сильной, чтобы выдержать её присутствие и не разрушиться. Она входила в их тела. Жила их жизнями. Проходила их истории. Это не было жестокостью. Сосуды не исчезали. Они лишь отходили вглубь собственного сознания, наблюдали со стороны, а иногда возвращались позже. Так продолжалось очень долго. Пока не появился **Сириус**.

Его король отдал приказ по причинам, которые Ворн никогда не интересовали. Приказы королей вообще редко её занимали. Сириус занимал. Битва длилась долго. Слишком долго. День сменял ночь. Ночь сменяла день. Где-то после третьих суток они оба перестали замечать течение времени. Она была сильна. Невероятно сильна. Запредельно. Но Сириус был чем-то другим. Его таланты словно не имели предела. Это было единственное объяснение, которое она смогла найти. И оно ей не нравилось. Каждый навык. Каждая техника. Каждое умение. Без потолка. Без верхней границы. Без конца роста. Она не умерла. Сущности не умирают.

Она просто снова исчезла из материального мира. Рассеялась. Вернулась в то самое пространство без времени, которое ненавидела всеми остатками души.

И начала искать новый сосуд. Его энергия ощущалась даже сквозь измерения.

Редкость.

Почти невозможная аномалия в мире, где подобное практически не встречалось. Сингулярность.

Она всё рассчитала. Создала якорь — точку равновесия, которая должна была удерживать его энергию от разрушения мира во время перехода. Каждая деталь была продумана. Каждый риск учтён. Но разница между мирами оказалась больше расчётной. Вместо плавного перехода произошла ошибка. Вместо нового сосуда появился человек с проклятием возвращения. Человек, который после каждой смерти оказывался в новой ветке реальности. И вместе с ним переместилась она. Без права выбора. Без возможности отказаться. Без возможности уйти. Она пыталась покинуть его. Переходила в другие ветви. Искала новые сосуды. Безрезультатно.

Связь оказалась абсолютной.

Она была прикована к Каэлю так же крепко, как он сам был прикован к собственному проклятию.

Именно её запах — запах существа, прошедшего через тысячи жизней, через бесчисленные победы и поражения, через вознесение, рассеивание и новое вознесение — оседал вокруг Каэля той самой невыносимой аурой смерти, которая едва не сбросила Сеара с крыши.

Он был Глашатаем Смерти не потому, что убивал.

Он был Глашатаем Смерти потому, что нёс в себе того, кто переживал смерть больше раз, чем любое живое существо в этом мире.

И человек, сидевший в каменной комнате среди свечей и с бокалом вина в руке, прекрасно знал об этом.

Откуда именно — это был вопрос, который Каэлю ещё только предстояло задать.

И ответ ему почти наверняка не понравится.

УТРО.

Каэль проснулся от того, что правый глаз неприятно щипало.

Не сильно. Просто лёгкое, назойливое жжение, будто под веко попала крошечная соринка и никак не хотела исчезать. Он сонно поморщился, потёр глаз тыльной стороной ладони, даже не открывая его полностью, перевернулся на другой бок и попытался снова провалиться в сон.

Не получилось.

Жжение осталось.

Более того — теперь он отчётливо его чувствовал.

Каэль тяжело выдохнул, сел на кровати и несколько секунд просто смотрел перед собой, щурясь от бледного утреннего света, который уже пробирался через окно. Пальцы машинально поднялись к лицу, скользнули по брови — и замерли.

Что-то было не так.

Под кожей ощущалась тонкая неровность. Едва заметная. словно неглубокая царапина, успевшая немного затянуться.

Он нахмурился и провёл пальцем ещё раз.

Медленнее.

Осторожнее.

Место отозвалось лёгкой болью.

— Доброе утро, — раздался голос Эвери.

Она появилась в дверях с двумя кружками в руках. Волосы были собраны кое-как, будто она уложила их уже на ходу. Взгляд ещё сохранял остатки сна, а на лице читалась привычная утренняя рассеянность.

Потом она посмотрела на него.

И остановилась.

— Что у тебя с лицом?

— Что?

Эвери резко поставила кружки на стол — чуть быстрее и громче, чем собиралась — и подошла ближе. Не спрашивая разрешения, взяла его лицо в ладони и повернула к окну.

— Каэль. У тебя шрам.

— Какой ещё шрам, я только—

— Свежий, — перебила она.

Голос звучал ровно, но пальцы едва заметно сжались.

— Очень тонкий. Очень чистый. Через бровь и вниз, к уголку глаза. Ты что, ночью—

— Нет.

Он поднялся почти слишком быстро и направился к небольшому зеркалу возле окна.

Посмотрел.

На несколько секунд просто застыл.

Разрез действительно был там.

Тонкий.

Почти идеальный.

Одна ровная линия тянулась от середины правой брови до внешнего уголка глаза. Без рваных краёв. Без следов неаккуратного движения. Без малейшей случайности.

Такой след не появляется сам собой.

Такой след оставляют намеренно.

И оставляют очень умелые люди.

— Кто-то был в доме, — сказал он наконец.

Тихо.

Без удивления.

Без вопроса.

Просто раскладывая факты по местам.

Эвери уже стояла рядом. Её взгляд встретился с его отражением в зеркале.

— Ночью?

— Я ничего не слышал.

Он снова коснулся шрама кончиком пальца.

— Вообще ничего. Это... профессионально.

На несколько секунд повисла тишина.

Они смотрели друг на друга через отражение.

Оба понимали, что это значит.

Оба не спешили произносить это вслух.

Обрабатывали шрам молча.

Эвери доставала нужное из небольшой аптечки на кухне, перебирая баночки и тряпки чуть медленнее обычного. Каэль сидел на подоконнике и спокойно наблюдал за улицей за окном.

Он не морщился.

Не потому что не болело.

Просто сама боль казалась настолько незначительной, что обращать на неё внимание было почти нелепо.

Кто-то ночью стоял рядом с его кроватью.

Кто-то подошёл вплотную.

Кто-то мог сделать всё что угодно.

И решил оставить лишь тонкий шрам.

От этой мысли становилось куда менее уютно, чем от любой раны.

— Зачем, — сказала Эвери, осторожно промакивая порез.

Она не спрашивала.

Размышляла вслух.

— Не знаю. Метка? Проверка?

— Кто так метит людей?

— Тот, кто хочет сказать: «Я мог, но не стал».

Он немного помолчал.

— Это хуже, чем если бы просто напали.

Эвери ничего не ответила.

Убрала ткань, внимательно осмотрела след ещё раз и слегка кивнула сама себе.

— Красиво ляжет, — сказала она. — В смысле, будет почти незаметен через неделю.

— Почти меня устраивает.

Она фыркнула себе под нос и убрала аптечку.

Потом взяла кружку с подоконника и сделала небольшой глоток.

— Каэль.

- Я знаю.
- Та шерсть.
- Я знаю.
- Это не совпадение.
- Я знаю.

После этого они просто стояли у окна и допивали чай.

За стеклом просыпался город. Люди открывали лавки. Кто-то куда-то спешил. По улице проезжала телега. Слышались голоса.

Обычное утро.

Обычный день.

Мир продолжал жить так, будто ничего не произошло.

А они оба думали об одном и том же.

И оба предпочли пока не говорить об этом вслух.

ГИЛЬДИЯ ВЕСОВ

Доска заданий выглядела как обычно.

Листки поверх листков. Старые объявления рядом с новыми. Стандартный набор работы, ничего срочного и ничего особенно интересного.

Они стояли плечом к плечу.

Эвери водила пальцем по заданиям, иногда задерживаясь на отдельных строчках.

Каэль читал через её плечо.

— Это слишком далеко.

Она отцепила один листок взглядом и двинулась дальше.

— Это слишком мало платят. Это—

— Каэ-э-э-э-э-эль.

Голос пришёл сзади.

Медленный. Растянутый. С той интонацией которую невозможно не услышать — не громкой, не угрожающей, а именно такой, от которой что-то холодное проходит по позвоночнику, потому что в ней было одновременно узнавание и удовольствие. Как будто человек произносил имя которое давно хотел произнести вслух.

Каэль обернулся.

Мужчина стоял у противоположной стены, чуть в стороне от остальных посетителей гильдии — и при этом так, что взгляд находил его сразу, будто пространство вокруг него было чуть другим. Накидка тёмно-синяя, почти чёрная — не грубая ткань, что-то плотное и живое, которое двигалось иначе чем должно было при неподвижном хозяине, как будто ловило ток воздуха которого не было. Капюшон опущен на плечи. Лицо — верхняя половина открыта, нижнюю закрывала маска из чёрного металла с едва заметным узором по краям, облегающая точно, без зазора.

Ремень на поясе блестел даже в приглушённом свете гильдии — не золото, что-то темнее и одновременно ярче, с пряжкой которая была скорее произведением искусства чем функциональной деталью. Ножны — две, симметрично, с гравировкой такой тонкой что с расстояния казалась просто текстурой материала.

Клинки.

Каэль смотрел на них дольше чем на всё остальное. Они не были убраны полностью — чуть выдвинуты из ножен, ровно настолько чтобы был виден материал. Не сталь. Не бронза. Не что-то знакомое — что-то переливающееся, меняющее оттенок с каждым движением света, от глубокого фиолетового до почти белого, живое каким-то образом, как будто внутри клинков что-то медленно двигалось.

— Отойдём? — сказал мужчина.

Не вопрос. Приглашение от которого не отказываются — не потому что страшно отказаться, а потому что в голосе была такая спокойная уверенность что отказ просто не приходил в голову как вариант.

Эвери рядом замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.